

ISSN 2309-6608

Міністерство освіти і науки України
Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне
товариство

ХАРКІВСЬКИЙ
ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНИЙ
ЩОРІЧНИК

ДАВНИНА

2019

СТАТТІ
ПУБЛІКАЦІЇ
НОТАТКИ
РЕЦЕНЗІЇ
ХРОНІКА

ВИПУСК 17

Видається з 1994 року

Харків
2019

*Затверджено до друку рішенням
Вченої ради Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
(протокол № 13 від 23.12.2019 р.)*

Редакційна колегія:

д-р іст. наук, професор **С. І. Посохов**, *головний редактор* (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук **В. С. Аксьонов** (ХІМ імені М. Ф. Сумцова)
д-р іст. наук, доцент **Ю. М. Бровендер** (СНУ імені Володимира Даля, Северодонецьк)
канд. іст. наук, доцент **Ю. В. Буйнов** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **С. В. Д'ячков**, *зам. головного редактора* (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **С. А. Каріков** (НУЦЗУ, Харків)
канд. іст. наук, доцент **В. В. Колода** (ХНПУ імені Г. С. Сковороди)
канд. іст. наук, доцент **С. Д. Литовченко**, *відп. секретар* (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, доцент **К. В. Мизгін** (Інститут історії, Варшава, Польща)
д-р іст. наук, професор **І. П. Сергєєв** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **В. В. Скирда** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, професор **Д. Слапек** (УМКС, Люблін, Польща)
д-р іст. наук, професор **С. Б. Сорочан** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **І. Б. Шрамко** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)

Адреса редакційної колегії:

майдан Свободи, 6, к. 4–89, м. Харків, 61022, Україна.

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна.

Тел.: +38 (057) 707-53-37

E-mail: antiquites.journal@karazin.ua; khiao1995@gmail.com;

сайт: <https://khiao.wordpress.com/drevnosti/>

<http://periodicals.karazin.ua/drevnosti/issue/archive>

Давнина 2019: Харківський історико-археологічний щорічник. — 2019. — Вип. 17. — 76 с.

Матеріали щорічника «Давнина» присвячено актуальним проблемам дослідження стародавньої та середньовічної історії. У збірці надаються публікації з історії та археології. Значне місце відведено дослідженням різноманітних археологічних пам'яток і публікаціям нових знахідок.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 24293-14133Р від 02.12.2019

ISSN 2309-6608

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-
археологическое общество

ХАРЬКОВСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ДРЕВНОСТИ 2019

СТАТЬИ
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ
РЕЦЕНЗИИ
ХРОНИКА

ВЫПУСК 17
Издается с 1994 года

Харьков
2019

УДК 902/904+93/94](058)
Д 73

Утверждено к печати решением
Ученого совета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 13 от 23.12.2019 г.)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор **С. И. Посохов**, *главный редактор* (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук **В. С. Аксёнов** (ХИМ имени Н. Ф. Сумцова)
д-р ист. наук, доцент **Ю. М. Бровендер** (ВНУ имени Владимира Даля, Северодонецк)
канд. ист. наук, доцент **Ю. В. Буйнов** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **С. В. Дьячков**, *зам. главного редактора* (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **С. А. Кариков** (НУГЗУ, Харьков)
канд. ист. наук, доцент **В. В. Колода** (ХНПУ имени Г. С. Сковороды)
канд. ист. наук, доцент **С. Д. Литовченко**, *отв. секретарь* (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **К. В. Мызгин** (Институт истории, Варшава, Польша)
д-р ист. наук, профессор **И. П. Сергеев** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **В. В. Скирда** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
д-р ист. наук, профессор **Д. Слапек** (УМКС, Люблин, Польша)
д-р ист. наук, профессор **С. Б. Сорочан** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **И. Б. Шрамко** (ХНУ имени В. Н. Каразина)

Адрес редакционной коллегии:
площадь Свободы, 6, к. 4–89, г. Харьков, 61022, Украина.
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина.
Тел.: +38 (057) 707-53-37
E-mail: antiquites.journal@karazin.ua; khiao1995@gmail.com;
сайт: <https://khiao.wordpress.com/drevnosti/>
<http://periodicals.karazin.ua/drevnosti/issue/archive>

Древности 2019 : Харьковский историко-археологический ежегодник. — 2019. —
Вып. 17. — 76 с.

Материалы ежегодника «Древности» посвящены актуальным проблемам исследования древней и средневековой истории. В сборнике представлены публикации по истории и археологии. Значительное место занимают исследования разнообразных археологических памятников и публикации новых находок.

Свидетельство о государственной регистрации КВ № 24293-14133Р от 02.12.2019

© Харьковский национальный
университет имени В. Н. Каразина,
оформление, 2019

ISSN 2309-6608

The Ministry of Education and Science of Ukraine
V. N. Karazin Kharkiv National University
Kharkiv Historical & Archaeological Society

KHARKIV
HISTORICAL & ARCHAEOLOGICAL
ANNUAL

ANTIQUITIES

2019

ARTICLES
PUBLICATIONS
NOTES
REVIEWS
CHRONICLE

VOLUME 17

Published since 1994

Kharkiv
2019

УДК 902/904+93/94](058)

Д 73

Approved for publishing by solution of
Academic Council of V. N. Karazin Kharkiv National University
(protocol № 13 dated 23.12.2019)

Editorial Board:

S. I. Posokhov, Professor, *editor-in-chief* (V. N. Karazin KhNU)
V. S. Aksyonov, Doctor (M. F. Sumtsov KhHM)
Yu. M. Brovender, Professor (Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, Severodonetsk)
Yu. V. Buynov, Doctor (V. N. Karazin KhNU)
S. V. Dyachkov, Doctor, *Sub-Editor-in-Chief* (V. N. Karazin KhNU)
S. A. Karikov, Doctor (NUCPU, Kharkiv)
V. V. Koloda, Doctor (H. S. Skovoroda KhNPU)
S. D. Litovchenko, Doctor, *Executive Secretary* (V. N. Karazin KhNU)
K. V. Myzgin, Doctor (Institute of History, Warsaw, Poland)
I. P. Sergeev, Professor (V. N. Karazin KhNU)
V. V. Skirda, Doctor (V. N. Karazin KhNU)
D. Slapek, Professor (UMCS, Lublin, Poland)
S. B. Sorochan, Professor (V. N. Karazin KhNU)
I. B. Shramko, Doctor (V. N. Karazin KhNU)

Address of the Editorial Board:

Svobody sq., 6, office 4–89, Kharkiv, 61022, Ukraine.

V. N. Karazin Kharkiv National University.

Tel.: +38 (057) 707-53-37

E-mail: antiquites.journal@karazin.ua; khiao1995@gmail.com;

website: <https://khiao.wordpress.com/drevnosti/>

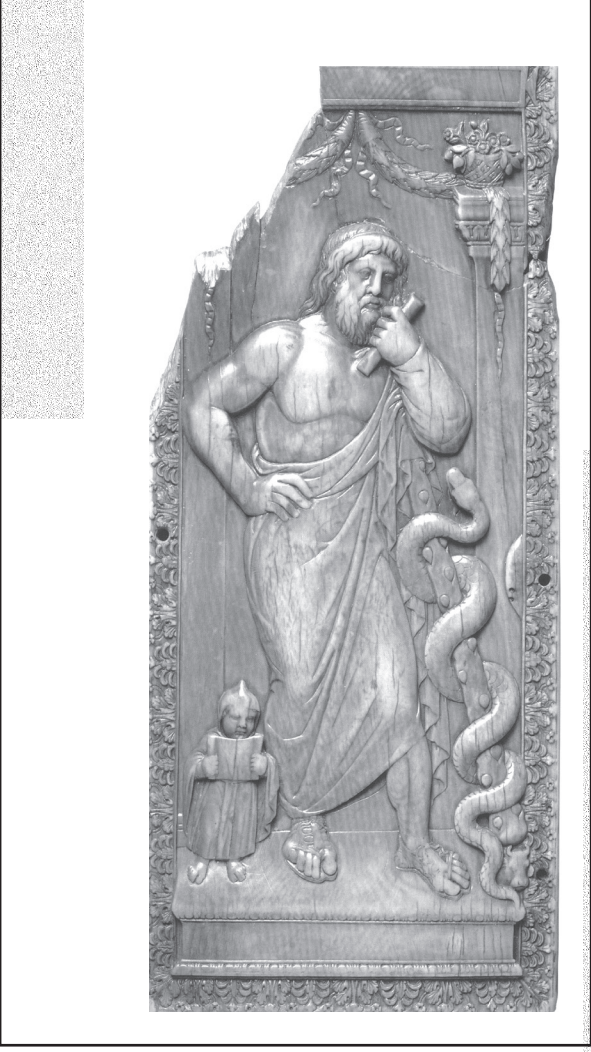
<http://periodicals.karazin.ua/drevnosti/issue/archive>

Antiquities 2019 : Kharkiv Historical & Archaeological Annual. — 2019. — Vol. 17. — 76 p.

The materials of the yearbook “Antiquities” are devoted to the actual problems of the study of ancient and medieval history. The collection contains a wide range of publications on history and archeology. A significant place is occupied by research of various archaeological monuments and publications of new finds.

Certificate of state registration KV № 24293-14133P from 02.12.2019

© V. N. Karazin Kharkiv National
University, design, 2019

Статьи
Статті
Articles

УДК(UDC) 327(091)(37:355)"-0064/-0063
DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-01

Syriam esse nostram... (Cic. Flac. 30). Почему Помпей превратил государство Селевкидов в римскую провинцию?

Сергей Литовченко

Статья посвящена превращению царства Селевкидов в римскую провинцию во время восточного похода Гнея Помпея. Несмотря на то, что причины, которые подтолкнули Помпея к созданию новой провинции, неоднократно обсуждались в историографии, вопрос о побудительных мотивах римского полководца остается дискуссионным. Вероятно, определенное влияние на действия Помпея имело стремление справиться с внутренней нестабильностью в провинции, которая была вызвана многолетней гражданской войной. Однако анализ источников показывает, что решающее влияние на действия Помпея оказал внешнеполитический фактор — стремление использовать новую провинцию как плацдарм для будущего похода против Парфии. В этом случае можно объяснить и откровенное нарушение римских внешнеполитических принципов — лишение власти признанного Сенатом Антиоха XIII, и военную незащищенность провинции Сирия и намеренное ухудшение отношений с парфянами. Только изменение ситуации в Римской республике не позволило Помпею реализовать свои замыслы.

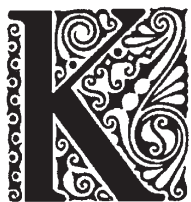
Ключевые слова: Рим, Помпей, провинция, Парфия, Селевкиды, Сирия.

Об авторе: Литовченко Сергей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина.
e-mail: litovchenkosd@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7602-9534>

Про автора: Литовченко Сергій Дмитрович; кандидат історичних наук, доцент; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, доцент кафедри стародавнього світу та середніх віків; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна.
e-mail: litovchenkosd@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7602-9534>

About the author: Litovchenko Sergey; PhD (History), Associate Professor; V. N. Karazin Kharkiv National University, School of History, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History; V. N. Karazin Kharkiv National University, School of History, Ukraine, Kharkiv, Sq. Svobody 4, 61022.
e-mail: litovchenkosd@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7602-9534>

© С. Д. Литовченко, 2019

кризис Римской Республики, который привел к серии гражданских конфликтов и кровопролитных войн, в силу многих обстоятельств носил ярко выраженный личностный характер. Названия кланов, группировок и «партий» теряются за громкими именами римских политиков и полководцев. Действительно ли «битва за Рим» была настолько персонализирована или подобный подход нам навязывают античные авторы, но первый век до н. э. невозможно представить без имен Суллы, Цинны, Красса, Цезаря, Помпея, Антония или Октавиана. В то же время, объяснимо и стремление историографии новейшего времени увидеть в конфликтах гражданской войны нечто большее, чем банальную борьбу за личную власть, найти в лозунгах и призывах вождя признаки политической программы и идеологических установок. Что, в свою очередь, позволило бы говорить об альтернативных путях развития Римской державы.

Наиболее ярко эта проблема проявляется в конфликте между Гнеем Помпеем и Гаем Юлием Цезарем, в котором, кроме демонстративно личностного противостояния, можно найти и признаки борьбы идей. По крайней мере, политическая ситуация превратила одну сторону конфликта в защитников республиканского строя. В то же время, десятилетия обмена мнениями между исследователями показали, что дискуссия о сущности противоречий между сторонами конфликта в 40-х гг. до н. э. еще далека от завершения. Если планы и цели Цезаря и цезарианцев, в целом, достаточно подробно раскрыты, то позиция Помпея и помпеянцев продолжает вызывать споры. Исследователи¹ видят в Помпее то, следуя за Т. Моммзенем, безвольного политика (Mommesen 1995, 105), то «Нового Александра», или «республиканского Императора» (Mezheritskiy 2016, 210–212; Amela 2003, 278–280)², или, как недавно было предложено, империалиста-стойка (Morrell 2017, 96). По нашему мнению, специфика источников такова, что однозначная оценка деятельности Помпея практически невозможна. Слишком зависимы труды античных авторов от внутривосточной конъюнктуры, да и никто не опровергал тезис, что историю пишут победители. Но, как нам кажется, если прямые указания в нарративных источниках на планы Помпея могут вызвать сомнения, то есть возможность опереться на косвенные факты, информация о которых не испытала влияния политической борьбы. Результаты внешнеполитической деятельности Помпея также могли подвергнуться ревизии в трудах античных авторов, но, всё же, в меньшей степени, чем события гражданской войны. Именно во внешней политике римляне совершали действия, которые могут быть признаны исторически достоверными: начало и окончание войн, заключение договоров, создание провинций. Поэтому обращение к результатам внешнеполитической деятельности Помпея позволит с большой долей вероятности установить не столько глобальные цели и задачи римского полководца и политика, сколько реальные последствия, к которым приводила его деятельность. И, следовательно, определить, как влияла политика Помпея, по его желанию или без, на развитие Римской державы в целом.

Наиболее значимым внешнеполитическим действием Помпея было, безусловно, устройство восточных пределов Рима после окончания Митридатских войн (Leach 1978, 100–101; Amela 2003, 161; Ehling 2013, 273; Beness, Hillard 2013, 147). Одним из важнейших элементов этого устройства стала новая римская провинция Сирия, основанная на месте остатков царства Селевкидов (Eilers 2005, 91). Именно анализ причин формирования этой провинции, факт достоверный и никем из

¹ Недавний историографический анализ деятельности Помпея в конце 60-х гг. до н. э. см: (Ridley 2006).

² О юридической основе власти Помпея см.: (Girardet 1992, 188).

исследователей не оспариваемый, позволит, по нашему мнению, приблизиться к пониманию сущности политики Помпея на Востоке.

Во время триумфального восточного похода легионов Гнея Помпея как итог военных действий, ряда аннексий и серии мирных и союзных договоров ситуация в Азии значительно изменилась. Хотя границы Республики двинулись далеко на Восток, собственно Рим получил далеко не все возможные территории. Под власть римлян перешли новые провинции Вифиния-Понт, Сирия и значительно расширенная Киликия. Большие пространства остались во владениях царей и местных династий, которые контролировали центральную и восточную Анатолию, а также всё Армянское нагорье (Sherwin-White 1984, 231–233). Было восстановлено или заключено более десятка союзных договоров с азиатскими правителями, чьи владения прикрывали собственно римские провинции. Цари не только с сомнительной лояльностью, но и откровенно враждебные, такие как Тигран II, были провозглашены «друзьями и союзниками римского народа». На первый взгляд, ситуация на римском Востоке не претерпела радикальных изменений. Может показаться, и многие исследователи действительно так считают, что Помпеево устройство полностью соответствует традиционной сенатской внешнеполитической практике II в. до н. э. (Sherwin-White 1984, 227; Gelzer 2005, 107), когда римляне крайне неохотно соглашались на расширение собственных заморских владений. И если уж шли на создание новых провинций, то только в крайнем случае, когда не оставалось иного решения.

Однако, по нашему мнению, в случае с Помпеем это не совсем так. Фактически римский полководец нарушил целых два традиционных принципа римской внешней политики на Востоке: сохранять союзные отношения максимально долго и стараться не расширять собственно римские территории без должной необходимости.

В первую очередь, Помпей целенаправленно испортил отношения с самым значимым римским союзником в Азии (Scullard 2011, 87; Sicker 2000, 145; 149). Парфянское царство, основной римский соратник в борьбе с Тиграном II, в полной мере ощутило на себе недовольство Помпея. Многолетний и злейший враг парфян — армянский царь превратился в «друга римского народа». Зять парфянского царя Тигран Младший был в цепях уведен в Рим (Litovchenko 2015, 44). Спорные территории между Парфией и Великой Арменией Помпей передал армянам и подкрепил свое решение введением римских войск. В конце концов, римлянин отказался именовать парфянского царя Фраата «царем царей» (Plut. Rompr., 38, 2; Dio Cass, 37, 6, 1–2), оскорбление явное и демонстративное, повторяющее демарш Лукулла в переписке с Тиграном II. Как бы современные исследователи не оценивали замыслы Помпея (Syme 1995, 89; 121; Liebmann-Frankfort 1969, 297; Sherwin-White 1984, 225; Smykov 2001, 127; Shayegan 2011, 323–324; 329; Lerouge 2007, 61–62; Edwell 2013, 193; Smykov 2013, 122), хотя очевидно, что Помпей, в отличие от Лукулла, немедленно воевать не собирался (Gelzer 2005, 99; Leach 1978, 83; Keaveney 1981, 212; Smykov 2001, 128, прим. 41; Morrell 2017, 182), итогом стало заметное ухудшение римско-парфянских отношений.

Но оскорбления, брошенные Фраату, лишь незначительный эпизод по сравнению с важнейшими решениями Помпея — созданием новой римской провинции Сирии (Dobiáš 1931, 216). Ликвидация остатков государства Селевкидов, на первый взгляд, выглядит совершенно логично: римским владением стали богатейшие плодородные земли, крупные города на пересечении торговых путей, с многочисленными эллинизированным населением. По крайней мере, Сирия была значительно более привлекательным краем, чем горная Киликия.

С другой стороны, традиции римской сенатской дипломатии требовали достаточно веского основания для поглощения независимого государства, которое

считалось союзным, а его правитель был признан «другом и союзником римского народа». В действительности римляне, конечно, могли сами создать юридические условия для оправдания аннексии, но Помпей этим не озаботился¹. И ликвидация державы Селевкидов превратилась в ничем не прикрытый захват независимого союзного государства (Ball 2000, 11–12).

Кроме сомнительной легитимности, действия Помпея привели к возникновению еще одной проблемы — восточные границы Сирии были открыты (Seager 2002, 62) для прямого удара войск нового противника — Парфии. Вопреки традиции, провинция не была прикрыта от нападения системой зависимых царств, и события ближайших десятилетий показали, с какой легкостью парфянская кавалерия прорывалась на ее территорию².

Вероятно, нетипичность создания провинции Сирия породила в литературе (Dobiáš 1931, 216; Will 2003, 505–516; Liebmann-Frankfort 1969, 289–292; Rey-Coquais 1978, 45; Wirth 1983, 54, anm. 143; Sherwin-White 1984, 211–213; Ehling 2008, 272; Steel 2013, 213, not. 7; Morrell 2017, 93–94; Arrayás, Heredia 2017, 131–132.) многолетнюю дискуссию о причинах аннексии Сирийского царства римлянами. В недавней обстоятельной работе К. Элинг назвал три основные причины создания сирийской провинции: 1) необходимость борьбы с пиратством; 2) противостояние возможному усилению парфянского и египетского влияния (sic!); 3) экономические интересы римлян в регионе (Ehling 2008, 273). В статье Е. Смыкова подробно разбирается большинство гипотез о побудительных мотивах Помпея (Смыков 2013, 120–123). Исследователь убедительно опроверг влияние экономических факторов на действия римского полководца³. Не нашло подтверждения в источниках и утверждение о парфянской угрозе как причине формирования провинции. Не имела, вероятно, большого значения и борьба с пиратством. В итоге Е. Смыков высказался в пользу предположения о внутривосточном хаосе в Сирийском царстве при последних Селевкидах как о решающей причине ликвидации государства (Смыков 2013, 123). Действительно, всю первую половину I в. до н. э. державу Селевкидов сотрясали бесконечные столкновения между претендентами на престол, чем, разумеется, пользовались соседние государства. Постоянные походы, сражения и вторжения вызвали настолько сильное недовольство населения, что часть городской элиты могла обратиться к царю Великой Армении Тиграну II с просьбой о помощи (Mittag 2009, 180). Но лишь первый период правления армянского царя можно было назвать относительно мирным, в 70-е гг. запылал юг, который подожгла селевкидская царица Клеопатра Селена (Litovchenko 2015, 185). После вывода армянских войск хаос в Сирии возобновился. Хотя Лукулл признал законным царем Селевкидской державы Антиоха XIII, против него выступил другой претендент — Филипп II, начались волнения в городах, вновь появились арабские войска. Очевидно, что без активного римского вмешательства ситуация в царстве оставалась бы нестабильной. Поэтому можно с уверенностью согласиться, что на решение Помпея ликвидировать государство Селевкидов могло повлиять стремление навести, наконец, порядок в этом регионе (Mommsen 1995, 96; Rice-Holmes 1923, 212; Syme 1995, 121; Gelzer 2005, 99;

¹ Это действительно важно, если признать правильным высказывание Э. Шервин-Уайта, что Помпей предпочитал действовать в рамках законности (1984, 225). Вряд ли можно согласиться, что Помпей действовал в Сирии в рамках полномочий закона против пиратов (*lex Gabinia*), как утверждала Т. Лиебман-Франкфорт (1969, 290). См. также: (Southern 2002, 74).

² Некоторые исследователи полагали, что местные династы и арабские князья могли защитить провинцию, см.: (Scullard 2011, 89; Arrayás I., Heredia 2017, 136). О римских союзниках говорит и Т. Лиебман-Франкфорт, но признает, что их было недостаточно: см.: (Liebmann-Frankfort 1969, 314).

³ Некоторые исследователи настаивают на значимости экономических факторов, см.: (Sartre 2014, 253–269).

Sherwin-White 1984, 213; Christ 2004, 85; Murphy 1993, 141; Ball 2000, 20; Panov 2008, 68). Но было ли это стремление решающим для столь важного и необычного шага римского полководца?

Даже для достаточно стремительно менявшейся под напором военачальников римской внешнеполитической практики аннексия Сирии была необычным явлением. Селевкиды со II в. до н. э. носили титул «друзей и союзников римского народа». Забота о союзниках, хотя зачастую превращалась в пустой звук, но всё же оставалась одним из основных принципов римской внешней политики. Поэтому, по нашему мнению, превращение в провинцию союзного царства, завещанного Риму самим царем, и аннексия государства с законным и признанным в Риме правителем — не одно и то же. Римляне, очевидно, признавали Антиоха XIII царем Сирийского царства и «другом и союзником» еще во время его поездки в Рим в конце 70-х гг. до н. э.¹ Лукулл на совершенно законных основаниях лишь восстановил Антиоха в его наследственных владениях (Smykov E. V. 2013, 120; Argayás, Heredia 2017, 130.). Поэтому Помпей, отбирая у Антиоха XIII власть, не только отменял решение своего предшественника, но и, вероятно, нарушал постановление Сената². При этом римский полководец даже не озаботился сколько-нибудь юридически приемлемым аргументом (Sullivan 1990, 204), открыто, если верить Аппиану (App. Syr., 49, 250; Mithr., 106, 499), заявив Антиоху, что Сирию римляне получают силой оружия. У того же Аппиана можно найти отголосок удивления самоуправными действиями римлян: античный автор в «Сирийских делах» (App. Syr., 49, 250) указывает, что у Помпея не было веских оснований ликвидировать власть Селевкидов³.

Хаос в державе Селевкидов, который отмечают исследователи, был не редкостью для римской периферии и, как правило, не слишком заботил римские власти. Скажем больше, постепенное ослабление, политическая нестабильность и деградация государственных институтов были, как правило, одним из следствий включения страны в систему римских союзных договоров. Можно напомнить историю Пергамского царства, Вифинии, птолемеевого Египта или близкой к Сирии Каппадокии. Но Каппадокия, которую Цицерон описывает как государство-банкрот, несостоятельное ни политически, ни экономически (Cic. Fam., XV, 4, 6; Att., VI, 1, 3), при всём при этом сохранила самостоятельность. Хотя, если следовать логике сирийского инцидента, то именно Каппадокия была наиболее подходящим претендентом на превращение в провинцию. Власть новой династии Ариобарзанидов была изна-

¹ Лишь Д. Браунд сомневался в том, что римляне признавали Антиоха царем Сирии, см.: (Braund 1984, 24).

² Высказывалось даже сомнение, что селевкидские земли входили в сферу полномочий Помпея, см.: (Murphy 1993, 141).

³ Античные авторы очень скупно и противоречиво описывают эти события (Just. 40. 2. 4; Plut. Pomp. 39, 3), что, вероятно, было вызвано отсутствием убедительной версии, которая бы оправдывала действия римлян. Но, кажется, более поздний источник сохранил отголосок реакции на специфические действия Помпея. Речь идет о странном указании византийского историка Иоанна Малалы, что Антиох завещал свое царство римлянам (Mal. P. 212.20). У этой информации нет никаких подтверждений в более ранних источниках, и она действительно могла быть отзвуком городской легенды, см.: (Downey 1951, 161; Smykov 2013, С. 124, прим. 63. Против: Bellinger 1949, 85, not. 116), которую антиохиец Малала включил в свой труд. Вероятно, эта не имеющая никакой исторической основы легенда должна была вписать необычную ликвидацию Сирийского царства в традиционную для римского Востока схему хотя бы в сознании самих антиохийцев.

чально нестабильна и держалась исключительно на римском вмешательстве (сложно найти монарха, которого бы изгоняли с престола столько раз, сколько Ариобарзана I)¹. Элита страны была расколота на несколько партий, одна из которых была антиримской. Против Ариобарзанидов постоянно плелись заговоры. Ликвидация Каппадокии не несла и внешнеполитических рисков, так как ее территория была прикрыта союзными царствами. Однако Каппадокия еще многие годы сохраняла призрачную независимость.

Можно предположить, что умиротворение Сирии и соседних земель не воспринималось частью римской элиты как жизненно необходимое для государства, хотя отказываться от новых приобретений и они не намеревались². Такая двойственность проявилась и у Цицерона, который публично восторгался успехами Помпея: «Сирия наша» (*Syriam esse nostram...* (Cic. Flac. 30)). Но, когда необходимо было унижить великого полководца и триумвира, Цицерон называл его в письмах именно Сампсикерамом (Cic. Att., II, 14, 1; Att., II, 16, 2) и Иерусолима-рием (Cic. Att., II, 9, 1), хотя за время восточного похода Помпей покорил более десятка правителей и взял более десятка городов. Вероятно, у корреспондента Цицерона упоминание о «сирийских подвигах» Помпея должны были вызвать ироничную улыбку.

Нельзя с уверенностью говорить и о лояльности местного населения римской власти. Появления датировок монет по «эре Помпея» характерно лишь для некоторых городов и связано, очевидно, с привилегиями, которые получили именно эти полисы, а не все города Сирии. Вообще можно сомневаться в покорности любого населения, не только утомленного, но и развращенного десятилетиями гражданских войн. По крайней мере уже через десять лет парфяне нашли союзников в Сирии (Dio Cass., 40, 28, 4). Можно согласиться с Р. Саймом, что Сирия представляла собой «странный конгломерат» (Syme 1995, 123)³.

Значительно больше минусов, чем плюсов имела аннексия Сирии и с военной точки зрения. Многие исследователи говорят, что римляне были вынуждены захватить Сирию, чтобы ее не захватили другие соседи, как это прежде сделал Тигран II (Sherwin-White 1984, 213; 225; Sherwin-White 1994, 260; Butcher 2003, 22; Ehling 2008, 273; Shayegan 2011, 329; Sartre 2014, 253–269; Morrell 2017, 92, not. 254.). Но, во-первых, как раз захват Тиграном Сирии римлян совершенно не беспокоил. Во-вторых, неясно, кого должны были опасаться римляне — соседи Сирии были слабы, а парфян Помпей вряд ли рассматривал как реальную угрозу (Will 2003, 511. Против: Butcher 2003, 22).

Не облегчала аннексия Сирии и защиту римских владений в Малой Азии. Киликия была надежно прикрыта с востока Сирийскими воротами, в легкости защиты которых был уверен даже столь неуверенный в себе полководец, как Цицерон (Cic. Fam., XV, 4, 4). Присоединив же Сирийское царство, римляне были вынуждены держать избыточные силы римских легионов на территории, которая не была окружена предпольем союзных государств⁴.

Перечисленные выше соображения позволяют предположить, что сложно объяснить исключительно заботой о внутренней стабильности владений Селевкидов

¹ Против, см.: (Sherwin-White 1984, 211).

² См.: (Rising 2013, 204).

³ “Such in brief is that strange conglomerate, the province of Syria.”

⁴ Интересно, что Р. Сигер (2002, 58), оправдывая создание Сирии, говорил, что Помпей действовал как полководец, а не как администратор. Но как раз в военном плане Сирия была далеко не самым выгодным приобретением.

радикальный и неожиданный шаг Помпея. На наш взгляд, на решение римского полководца могли повлиять именно внешнеполитические соображения. Действительно, трудно найти пример более неудачной оборонительной позиции против сильного соперника, чем Сирия¹. Однако, по нашему мнению, сирийские земли и не рассматривались Гнеем Помпеем Магном как часть защитной линии². Логика действий римского полководца подсказывает, что именно Сирия могла стать важнейшим элементом грандиозного восточного похода. Похода, который принес смерть Крассу, который был запланирован Цезарем и который был столь неудачно реализован Антонием. Неудобная для обороны сирийская провинция оказывается очень удобным плацдармом для наступления на Восток (Butcher 2003, 22.)³.

Нельзя сказать, что предположение о связи образования провинции Сирия с возможным антипарфянским походом не высказывалось в литературе ранее⁴. Однако исследователи ограничивались лишь краткими замечаниями, иногда приводившими к курьезам. Наиболее известно⁵ высказывание Э. Бэдиана о невозможности даже предполагать агрессивные намерения Помпея в отношении Парфии (Badian 1971, 75). В примечании исследователь достаточно резко характеризует такое предположение М. Ростовцева как «a wild fancy» («дикая фантазия») (Badian 1971, 75, not. 51). Но, что интересно, сам М. Ростовцев как раз и не говорит об агрессивности Помпея и его стремлении в будущем напасть на Парфию. Ученый указывает на то, что парфяне со временем могли повторить путь усиления по образцу Митридата VI и Тиграна II и претендовать на владение ослабленной Сирией (Rostovtzeff 1941, 870). Что сближает мнение М. Ростовцева с позицией многочисленных сторонников теории превращения Сирии в провинцию как ответ на парфянскую угрозу (Butcher 2003, 22; Amela 2003, 146, nota 38; Ehling 2008, 273; Mittag 2009, 185; Sartre 2014, 253–269). В недавней работе Д. Энгельса провинция Сирия была названа «стратегическим плацдармом» (Aufmarschgebiets), которым воспользовался Красс (Engels 2013, 93), однако автор не развивает свою мысль, лишь дает сноску на работу Герхарда Вирта (Wirth 1983) без указания конкретной страницы (Engels 2013, 93, Anm. 150). Г. Вирт на 56 странице лишь указывает, что из Сирии можно было угрожать Месопотамии, о чём было известно Сенату еще со II в. до н. э. (Wirth 1983, 56), но в целом автор видит в политике Помпея отказ от дальнейшей экспансии (Wirth 1983, 56–60).

В то же время предлагаемая гипотеза, на наш взгляд, имеет право на существование. Неудачный поход Лукулла и удачный поход Помпея показали, что Армянское

¹ Даже если принять гипотезу Э. Шервин-Уайта о том, что римляне предпочитали защищать свои владения наступая, а не обороняясь (1984, 227). Работа Т. Либман-Франкфорт, непосредственно посвященная римским восточным границам, создает впечатление ненадежности римской оборонительной позиции в Сирии. Однако нельзя согласиться с предположением исследовательницы, что именно слабость римского присутствия заставила Помпея отказаться от полной унификации провинции, сохранив множество автономных анклавов (Liebmann-Frankfort 1969, 300). Как раз такие анклавы и могли стать (и стали!) очагами нестабильности в случае нападения противника. И сама исследовательница в итоге утверждала, что мероприятия Помпея в Сирии нельзя назвать полностью удачными, см.: (Liebmann-Frankfort 1969, 303).

² О том, что территориальные преобразования Помпея подходили скорее для наступления, чем для обороны, см.: (Syme 1995, 121, 123).

³ Близкую позицию занимала и Т. Либманн-Франкфорт, хотя она видела плацдарм для наступления в заевфратских союзниках Помпея, например Осроене (Liebmann-Frankfort 1969, 311). Очевидно, что арабские племенные земли, в отличие от Сирии, не могли быть реальной основой для наступления римских легионов.

⁴ См. краткое замечание у (Butcher 2003, 22).

⁵ Его полностью цитирует Е. В. Смыков: (2013, 123, прим. 57).

нагорье не самый благоприятный регион для быстрого перемещения больших масс войск. Не подходила на роль оперативной базы и Киликийская провинция, связанная с Сирией лишь узким горлышком Сирийских ворот. Сам же киликийский регион с крупными горными массивами и незначительным городским населением не позволял размещать значительные армейские силы. Иначе обстояло дело с Сирийским царством. Обширные и богатые земли с достаточно высокой урбанизацией не только давали возможность сконцентрировать основные ударные силы, но и могли долгое время служить базой снабжения наступающих в Месопотамию армий (Schlude, Overman 2017, 93). Прикрытые с северного фланга достаточно сильной союзной Великой Арменией, римские легионы могли без опасения продвигаться на Восток.

Если принять гипотезу о планах Помпея создать условия для похода в Азию, то становятся оправданными и логичными многие действия римского полководца. Откровенное провоцирование конфликта с Парфией должно было обеспечить повод для новой войны. Быстрая и юридически сомнительная ликвидация державы Селевкидов объяснима необходимостью оперативно подготовить плацдарм для будущего похода. А географическая незащищенность Сирии не имела большого значения, так как провинция должна была вскоре превратиться в глубокий тыл римских войск¹.

Хотя у нас нет прямых указаний на подготовку непосредственно Помпеем новой восточной кампании², дальнейшие события показали, что почти все римские политики, обладавшие реальной силой, планировали или проводили подобный поход³. Наиболее ярко, на наш взгляд, планы Помпея подтверждает тот факт, что при распределении провинций между триумвирами сирийское назначение рассматривалось как право на войну с Парфией (Mommesen 1995, 104; Debevoise 2008, 86; Liebmann-Frankfort 1969, 315–316; Smykov 2006, 213). Молчание же наших источников о дальнейших планах Помпея на Востоке⁴ можно объяснить и действиями Помпея по возвращению в Рим, и собственной пропагандой полководца⁵. Во-первых, основной целью Помпея в конце 60-х гг. до н. э. была конвертация своих военных и внешнеполитических успехов во внутривосточное влияние. Поэтому новый восточный поход, даже если он предполагался с участием самого Помпея, откладывался на более поздний срок, как и его открытая популяризация. Во-вторых, борьба за политическое влияние в Риме требовала представить Помпея безусловным победителем, о чем свидетельствовал грандиозный триумф. Пропаганда убеждала римлян, что Помпей достиг пределов обитаемого мира, уравнивая его достижения с победами Александра Македонского (Kühnen 2005, 79–80). В этих условиях анонсировать планы войны с еще непобежденной Парфией было бы

¹ Отказ от прямого римского контроля за важнейшими переправами через Евфрат вряд ли может быть удачной оборонительной стратегией, как настаивала Т. Либманн-Франкфорт (Liebmann-Frankfort 1969, 306). Царь Коммагены не мог, конечно, удержать парфянскую атаку. Но для наступательной стратегии против парфян контроль за переправами не имел решающего значения. Вряд ли римские полководцы до 36 г. до н. э. опасались, что парфяне смогли бы создать и, тем более, защитить предместные укрепления.

² Возможность войны с Парфией предполагается некоторыми исследователями, см.: (Legouge 2007, 61–62).

³ Исследователи видели предпосылки похода Цезаря уже в действиях Помпея, см.: (Malitz 1984, 25).

⁴ Не стоит видеть в гневной риторике Цицерона (Cic. Dom. 60; 124), как убедительно показал Е. В. Смыков (2006, 203), разоблачения реальных экспансионистских планов помпеянцев в лице Авла Габиния. Однако необходимо отметить, что уже в первой половине 50-х гг. до н. э. в Риме назначение в Сирию рассматривалось как возможность наступления на Восток.

⁵ Подробно о пропаганде Помпея и ее влиянии на римское общественное мнение, см.: (Liebmann-Frankfort 1969, 311–316).

непредусмотрительно. А дальнейшая борьба за власть, вероятно, неожиданная для Помпея, привела к изменению планов полководца. Очевидно, что внутривластная ситуация в Риме, к которой Помпей был совершенно не готов, заставила полководца пойти на так называемый «первый триумvirат». Дальнейшее усиление политического противостояния сделало участие Помпея в операциях на далеком Востоке совершенно неприемлемыми, что в итоге привело к восточному походу под руководством Красса¹ и к превращению провинции Сирии в прифронтную территорию. Что интересно, и после Карр римляне отказывались признавать евфратский рубеж своей восточной границей.

Переустройство Гнеем Помпеем римского Востока, таким образом, демонстрирует общую тенденцию среди римских полководцев. Помпей, создав провинцию Сирия, отвергал внешнеполитические принципы, характерные для сенатской традиции, изначально предполагая продолжение экспансии Рима на Восток. Поэтому не стоит видеть в Гнее Помпее Магне защитника Республики или республиканских ценностей (Ball 2000, 12, 21), продолжателя внешней политики создателей Империи II в. до н. э. В тех случаях, когда, как в ситуации с Великой Арменией, было выгодно применять старые римские внешнеполитические приемы, Помпей выступал традиционалистом, признавая враждебного царя «другом и союзником римского народа». Но когда реализация планов требовала другой линии поведения, то Помпей с легкостью отбрасывал условности и превращал в провинцию союзное царство не только без убедительных оснований, но даже без повода.

По нашему мнению, анализ устройства римской Азии в 66–64 гг. до н. э. позволяет утверждать, что Помпей своими действиями осознанно создал очаг напряженности на восточных границах Республики, что неизбежно должно было привести к конфликту в будущем. И, следовательно, не отличался от других римских полководцев и политиков, для которых постоянные успешные войны становились основой политического влияния. Это, в свою очередь, может быть подтверждением того, что противостояние между Цезарем и Помпеем носило не столько идеологический, сколько личностный характер. В таких условиях при любом варианте разрешения конфликта радикальная трансформация Римской державы представляется неизбежной.

REFERENCE

- Amela L. 2003: *Cneo Pompeyo Magno. El defensor de la República romana*. Madrid.
- Arrays I., Heredia C. 2017: *Reflexiones sobre la actuación de Pompeyo Magno en Siria y el encaje del reino de Judea a la luz de las fuentes literarias antiguas*. Barcino. *Monographica Orientalia*. 8, 125–159.
- Badian E. 1971: *Roman Imperialism in the Late Republic*. London.
- Ball W. 2000: *Rome in the East: The Transformation of an Empire*. London.
- Bellinger A. 1949: *The End of the Seleucids*. *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. 38, June, 51–102.
- Beness L., Hillard T. 2013: *Rei militaris virtus... orbem terrarum parere huic imperio coegit: The Transformation of Roman Imperium, 146–50 BC*. In: D. Hoyos (ed.). *A Companion to Roman Imperialism*. Leiden, 141–154.
- Braund D. 1984: *Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship*. London.
- Butcher K. 2003: *Roman Syria and the Near East*. London.

¹ Тот факт, что Помпей не воспользовался возможностью парфянского похода в середине 50-х гг. до н. э., не может быть аргументом в пользу того, что Помпей был против парфянского похода вообще, ср.: (Morrell 2017, 182, not. 38). К этому времени ситуация в Риме, а с ней и планы Помпея, радикально изменились.

- Christ K. 2004: Pompeius. Der Feldherr Roms. Eine Biographie. München.
- Debevoise N. 2008: Politicheskaya istoriya Parfii. Saint Petersburg. (In Russian).
Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии / пер. с англ. Санкт-Петербург.
- Dobiáš J. 1931: Les premiers rapports des Romains avec les Parthes et l'occupation de la Syrie. *Archiv orientální*. 3, 216–256.
- Downey Gl. 1951: The Occupation of Syria by the Romans. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 82, 149–163.
- Downey Gl. 1963: *Ancient Antioch*. Princeton.
- Edwell P. 2013: The Euphrates as a Boundary between Rome and Parthia in the Late Republic and Early Empire. *Antichthon*. 47, 191–206.
- Ehling K. 2008: Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164–63 v. Chr.): Vom Tode des Antiochos IV. bis zur Einrichtung der Provinz Syria unter Pompeius. Stuttgart.
- Eilers C. 2005: A Roman East: Pompey's Settlement to the Death of Augustus. In: A. Erskine. *Companion to the Hellenistic World*. Oxford.
- Engels D. 2013: Die städtischen Eliten der Kolonien der syrischen Tetrapolis zwischen Seleukiden, Armeniern, Parthern und Römern. *Electrum*. 20, 77–115.
- Ferrero G. 1915: Velichiye i padeniye Rima: v 5 t. T. 1. Moscow. (In Russian).
Ферро Г. Величие и падение Рима: в 5 т. Т. 1. Москва.
- Gelzer M. 2005: Pompeius: Lebensbild eines Römers. Stuttgart.
- Girardet K. 1992: Imperium und provinciae des Pompeius seit 67 v. Chr. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 3, 177–188.
- Keaveney A. 1981: Roman Treaties with Parthia circa 95-circa 64 BC. *The American Journal of Philology*. 102, 2, 195–212.
- Kühnen A. 2005: Die imitatio Alexandri als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. Duisburg.
- Leach J. 1978: Pompey the Great. Oxford.
- Lerouge C. 2007: L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain. Stuttgart.
- Liebmann-Frankfort Th. 1969: La frontiere orientale dans la politique exterieure de la République romaine depuis le traite d'Апамée jusqu' a la fin de la conquete asiatiques de Pompee (189/88—63). Bruxelles.
- Litovchenko S. D. 2005: Armyanskiy pokhod Gneya Pompeya. *Drevnosti [Antiquities]*. 6, 40–46. (In Russian).
Литовченко С. Д. Армянский поход Гнея Помпея. *Древности*. 6, 40–46.
- Litovchenko S. D. 2015: Tsarstvovaniye Tigrana II Velikogo v Sirii: problemy khronologii. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. 17, 176–191. (In Russian).
Литовченко С. Д. Царствование Тиграна II Великого в Сирии: проблемы хронологии. *Античный мир и археология*. 17, 176–191.
- Malitz J. 1984: Caesars Partherkrieg. *Historia*. 33, 21–59.
- Mezheritskiy J. Yu. 2016: “Vosstanovlennaya respublika” imperatora Avgusta. Moscow. (In Russian).
Межеричский Я. Ю. “Восстановленная республика” императора Августа. Москва.
- Mittag P. 2009: Zur Integration Antiocheias in den römischen Herrschaftsverband. In: Rom und der Osten im 1. Jahrhundert v. Chr. Akkulturation oder Kampf der Kulturen? Akten des Humboldt-Kollegs Verona, 19–21. Februar 2004. Cosenza, 177–198.
- Mommsen T. 1995: Istoriya Rima: V 5 t. V. 3. Saint Petersburg. (In Russian).
Моммзен Т. История Рима: в 5 т. Т. 3. Санкт-Петербург.
- Morrell K. 2017: Pompey, Cato, and the Governance of the Roman Empire. Oxford.
- Murphy J. 1993: Pompey's Eastern Acta. *The Ancient History Bulletin*. 7.4, 136–142.

- Panov A. R. 2008: Rim na severo-vostochnykh rubezhakh: vzaimootnosheniya s gosudarstvami severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya v I v. do n. e. — pervoy tretyi II v. n. e. Arzamas. (In Russian).
- Панов А. Р. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н. э. — первой трети II в. н. э. Арзамас.
- Rey-Coquais J.-P. 1978: Syrie Romaine, de Pompée à Dioclétien. *The Journal of Roman Studies*. 68, 44–73.
- Rice Holmes T. 1923: The Roman Republic and the founder of the Empire: In 3 v. V. 1. Oxford.
- Ridley R. T. 2006: Antiochos XIII, Pompeius Magnus and the unessayed coup. *Ancient Society*. 36, 81–95.
- Rising T. 2013: Senatorial Opposition to Pompey's Eastern Settlement. A Storm in a Teacup? *Historia*. 62, 2, 196–221.
- Rostovtzeff M. 1941: The Social and Economic History of the Hellenistic World: In three volumes. Vol. 2, Oxford.
- Sartre M. 2014: Syrie romaine (70 av. J.-C. — 73 apr. J.-C.). *Pallas*. 96, 253–269.
- Schlude J. M., Overman J. A. 2017: Herod the Great: A Near Eastern Case Study in Roman-Parthian Politics. In: J. M. Schlude, B. B. Rubin (eds). *Arsacids, Romans, and local elites: cross-cultural interactions of the Parthian Empire*. Oxford.
- Scullard H. H. 2011: From the Gracchi to Nero: a history of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. London — New-York.
- Seager R. 2002: Pompey the Great : a Political Biography. 2nd ed. Oxford.
- Shayegan R. 2011: Arsacids and Sasanians: Political Ideology in Post-Hellenistic and Late Antique Persia. Cambridge.
- Sherwin-White A. N. 1984: Roman Foreign Policy in the East: 168 B.C. to A. D. 1. London.
- Sherwin-White A. N. 1994: Lucullus, Pompey and the East. In: J. A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds). *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. V. 9. Cambridge.
- Sicker M. 2000: The pre-Islamic Middle East. London.
- Smykov E. V. 2001: Rim i Parfiya: put' k dogovoru (Gney Pompey i parfyane). In: *Antichnost': obshchestvo i idei [Antiquity: society and ideas]*. Kazan, 118–129. (In Russian).
СМЫКОВ Е. В. Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и парфяне). *Античность: общество и идеи*. Казань, 118–129.
- Smykov E. V. 2006: Siriyskoye namestnichestvo Avla Gabiniya. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. 2, 198–214. (In Russian).
СМЫКОВ Е. В. Сирийское наместничество Авла Габиния. *АМА*. Вып. 2. 198–214.
- Smykov E. V. 2013: Siriya v 83–63 gg. do n.e.: ot anarkhii k provintsii. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. 16, 112–125. (In Russian).
СМЫКОВ Е. В. Сирия в 83–63 гг. до н. э.: от анархии к провинции. *АМА*. 16, 112–125.
- Southern P. 2002: Pompey the Great: Caesar's Friend and Foe. Stroud.
- Steel C. 2013: End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis. Edinburgh.
- Sullivan R. 1990: Near Eastern royalty and Rome, 100–30 BC. Toronto.
- Syme R. 1995: *Anatolica*. Studies in Strabo. Oxford.
- Will É. 2003: Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. 2: Des avènements d'Antiochus III et de Philippe V a la fin des Lagides. Nancy.
- Wirth G. 1983. Pompeius — Armenien — Parther. *Mutmassungen zur Bewaltigung einer Krisensituation*. *Bonner Jahrbücher*. 183, 1–60.
- Wolski J. 1999. *The Seleucids: The Decline and Fall of their Empire*. Krakow.

Резюме

Литовченко С. Д. *Syriam esse nostram... (Cic. Flac. 30). Чому Помпей перетворив державу Селевкідів на провінцію?*

Статтю присвячено перетворенню царства Селевкідів у римську провінцію під час східного походу Гнея Помпея. Незважаючи на те, що причини, які підштовхнули Помпея до створення нової провінції, неодноразово обговорювалися в історіографії, питання про мотиви римського полководця залишається дискусійним. Ймовірно, певний вплив на дії Помпея мало прагнення впоратися зі внутрішньою нестабільністю в провінції, яка була викликана багаторічною громадянською війною. Однак аналіз джерел показує, що вирішальний вплив на дії Помпея справив зовнішньополітичний фактор — прагнення використовувати нову провінцію як плацдарм для майбутнього походу проти Парфії. В цьому випадку можна пояснити і відверте порушення римських зовнішньополітичних принципів — позбавлення влади визнаного Сенатом Антіоха XIII, і військову незахищеність провінції Сирія, і навмисне погіршення відносин з парфянами. Лише зміна ситуації в Римській республіці не дозволили Помпею реалізувати свої задуми.

Ключові слова: Рим, Помпей, провінція, Парфія, Селевкідів, Сирія.

Summary

S. Litovchenko. *Syriam esse nostram... (Cic. Flac. 30). Why did Pompey turn the Seleucid state into a Roman province?*

The article is devoted to the transformation of the Seleucid kingdom into a Roman province during the Eastern campaign of Pompey. Despite the fact that the reasons that pushed Pompey to the creation of a new province were repeatedly discussed in historiography, the question of the motivations of the Roman general remains controversial. Probably, a certain influence on the actions of Pompey had an aim to cope with internal instability in the province, which was caused by years of civil war. However, an analysis of the sources shows that the foreign policy factor had a decisive influence on the actions of Pompey— the desire to use the new province as a bridgehead for a future campaign against Parthia. In this case, a overt violation of the Roman foreign policy principles can be explained — depriving of power of Antiochus XIII who was recognized by the Senate, the military vulnerability of the province of Syria and the deliberate deterioration of relations with the Parthians. Changing the situation in the Roman Republic did not allow Pompey to implement his plans, but the war with Parthia for many decades remained one of the priorities of many Roman leaders, such as Marcus Licinius Crassus, Gaius Julius Caesar and Mark Antony. On the other hand, the new province, which was not defended by the buffer system of the allied kingdoms, itself was exposed to the blows of the Parthian cavalry. In general, the assumption of aggressive intentions of Pompey suggests that the Roman commander in his actions easily abandoned the traditional foreign policy methods of the Roman Senate for political expediency, therefore you should not see in the Pompey a conscious defender of "republican values".

Key words: Rome, Pompey, province, Parthia, Seleucids, Syria.

УДК(UDC)930.2:821.124*04(432.1)-94]:929 Владимир

DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-02

Перечитывая Титмара Мерзебургского: *lumbare venereum* и другие пороки князя Владимира

Александр Роменский

Статья посвящена интерпретации сообщений Титмара Мерзебургского о князе Владимире Святославиче. Проведен источниковедческий анализ информации саксонского епископа о недостатках и греховных страстях «короля Руси». Образ Владимира – не единственный, освещенный негативно среди персонажей хроники, близким к нему антигероем является польский князь Болеслав Храбрый. Рассмотрена полемика об обстоятельствах брака с порфирородной Анной в контексте обвинений саксонского хрониста о "коварном похищении" князем невесты. Уточняются причины анахронизма, допущенного автором хроники. Акцентировано внимание на дискуссии о *lumbare venereum* как детали княжеского туалета. Опровергнута версия о *lumbare* как фаллическом амулете или элементе эротической магии. Речь идет скорее о перевязи, которая предназначалась для подавления плотских страстей в контексте византийской аскетике. Параллели свидетельству Титмара можно найти в византийской и южнославянской агиографии, а также западноевропейской и исламской мистической литературе. Ношение предметов на половых органах использовалось как юродивыми в византийской и славянской традиции, так и дервишами-каландари в исламском мире. Примечателен образ Св. Франциска Ассизского, проповедовавшего в одной набедренной повязке. Однако в случае с князем перевязь не была рассчитана на провокационную демонстрацию, иллюстрируя внутреннее смирение перед Богом. Привлекается внимание к топосу о щедрости князя в контексте традиций варварских обществ раннего средневековья. Щедрость и дары во время пира были одними из самых востребованных ценностей правителя как в странах Скандинавии, так и в Восточной Европе.

Ключевые слова: Русь, раннее средневековье, князь Владимир, Титмар Мерзебургский, *lumbare venereum*, византийская аскетика.

Об авторе: Роменский Александр Александрович; кандидат исторических наук; независимый исследователь.

e-mail: alexandrosromensky@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0936-3740

Про автора: Роменський Олександр Олександрович; кандидат історичних наук; незалежний дослідник.

e-mail: alexandrosromensky@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0936-3740

About the author: Romensky Alexander; PhD (History), independent researcher.

e-mail: alexandrosromensky@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0936-3740

© А. А. Роменский, 2019

роника в восьми книгах, составленная епископом города Мерзебурга Титмаром, заслуженно считается одним из ключевых и наиболее достоверных источников по истории Восточной Европы последней четверти X – начала XI в. Высокая репутация труда саксонского архиепископа объясняется тем, что он был непосредственным современником русских князей Владимира, Святополка и Ярослава, работая над своим произведением в 1012–1018 гг. (Holtzmann 1935, XXVIII–XXX). Знатность рода, личные связи со многими из «сильных мира сего», доступ к документам и воспоминаниям очевидцев обеспечивают аутентичность его сведений. Исследователи полагают, что информацию о Руси Титмару предоставил один из саксонских рыцарей – участников похода Болеслава на Киев в 1018 г., чей рассказ был записан автором «по горячим следам», а возможно, и кто-то из окружения бежавшего на Запад киевского князя Святополка (Sverdlov 1976, 111–112; Nazarenko 1993, 131–133; Nazarenko 2001, 439–441). Неудивительно, что каждое слово немецкого хрониста, являвшегося внимательным и тщательным историком, неоднократно дополнявшим свой труд, обретает особую ценность. В этом свете заслуживает переосмысления характеристика личности князя Владимира Святославича, содержащаяся в VII книге хроники (Thietm. VII, 72–74).

Специалисты давно обратили внимание на двойственность образа «короля Руси»: с одной стороны, он пополняет перечень отрицательных персонажей хроники (Титмар осуждает несправедливость и распутство киевского князя), с другой – не лишен некоторых добродетелей, прежде всего нищелюбия и щедрости. Владимир не одинок в склонности к безнравственным поступкам, сближаясь в этом амплуа с еще одним антигероем, Болеславом Храбрым. Объясняя этот парадокс, А. В. Назаренко предположил, что текст § 72–73 и § 74 главы VII имеет различное происхождение: информация главы VII, 72–73 получена от бежавшего в 1016–1017 гг. в Польшу князя Святополка или его окружения (Владимир показан «жестоким распутником» и «беззаконником»), тогда как сведения о милостынях Крестителя Руси, вероятно, принесены кем-то из саксонцев-участников похода на Киев в 1018 г. (Nazarenko 2001, 439–441). А. Е. Мусин подчеркнул роль «мигрирующей устной традиции», передатчиком которой, не исключено, стал школьный товарищ и друг Титмара, Бруно Кверфуртский (Musin 2016, 171–180); отметим, что против этой гипотезы свидетельствует комплиментарная характеристика, данная Владимиру в письме самого Бруно, который воздержался от пересказа легенд, порочащих облик князя. А. В. Поппэ полагает, что известия о гипертрофированной сексуальности правителя были позаимствованы саксонцем-информатором из досужих сплетен, передающихся на киевских улицах (Porre 2008, 44). Так или иначе, описанный Титмаром портрет князя-женолюбца в основных интенциях весьма сходен с летописным, хотя и не несет характерной для ПВЛ однозначной дидактической направленности.

Приглядимся внимательнее к порокам Владимира в изложении хрониста. Первый упрек, который Титмар адресует князю, — коварное похищение невесты у Оттона III — неизменно приводил историков в недоумение. Автор допускает ошибку, называя супругу киевского правителя Еленой (Thietm. VII, 72). Известно, что переговоры о браке «дочери святой империи» с наследником германского престола Оттоном II в 968 г. вел Лиутпранд Кремонский, оставивший подробное описание своей неудачной миссии. На встрече с куропалатом Львом Фокой, братом василевса Никифора, в присутствии паракимомена Василия Лакапина Лиутпранд услышал отказ, аргументированный отсутствием прецедента брака порфирородной дочери Романа II с чужеземцем (Liutpr. Legatio XV). За этой обычной для ромеев напыщенной риторикой скрывались политические трения двух держав в Италии. В 972 г. супругой Оттона II стала другая византийская принцесса Феофана, чей статус, однако, был существенно ниже — она не была рождена в порфире являясь лишь племянницей нового василевса Иоанна Цимисхия (Schramm 1924, 424–425; Dölger 1949, 646).

Титмар упоминает о возмущении этим фактом части королевских придворных, которые советовали отослать девушку назад (Thietm. II, 16 (10)). Следующий германский король Оттон III также не преуспел в сватовстве к одной из дочерей ромейского василевса-соправителя Константина VIII, но это произошло в 995 г., существенно позже бракосочетания Владимира и Анны (Nazarenko 1993, 164–165). Разрешая этот казус, некоторые исследователи предполагают, что у Анны имелась старшая сестра по имени Елена (к которой ранее сватался Оттон II (Porre, Porre 1976, 454; Nazarenko 2001, 258–260)) однако источники умалчивают о ее существовании¹. Так или иначе, Титмар допускает явный анахронизм, не будучи достаточно осведомленным в тонкостях матриониальной политики византийского двора.

Хронист критикует жестокое распутство киевского князя и его «насилия над слабыми данайцами» (Thietm. VII, 72), под которыми, как можно полагать, подразумевался поход в Таврику и овладение Херсоном в 988 году. Значительно больше внимания уделяется судьбе друга автора, епископа Рейнберна, сопровождавшего дочь польского короля Болеслава в ходе ее брака с приемным сыном Владимира Святополком (Nazarenko 1993, 167–170). Неудачная попытка захвата власти, предпринятая последним около 1013 г., закончилась арестом и заключением в темницу самого Святополка, его супруги и ее духовного наставника. Сведения Титмара объясняют причину напряжения в русско-польских отношениях и вовлеченности Болеслава в борьбу за власть в Киеве.

Наиболее парадоксальным выглядит сообщение о «венеринном набедреннике», якобы усугублявшем склонность Владимира к блуду. А. Е. Мусин детально исследовал вопрос о сексуальности Владимира и возможных трактовках этого уникального известия. «Lumbare venegeum», видимо, представлял собой некую перевязь по примеру византийских брачных поясов. Исследователь предполагает и другую интерпретацию – возможную связь с ритуальными практиками любовной магии и соответствующими археологическими артефактами фаллообразной формы, языческим обрядом инициации. По его мнению, князь мог носить некий эротический амулет, не обязательно имеющий форму повязки или перевязи (Musin 2016, 180–189).

На наш взгляд, возможно иное объяснение этого загадочного термина. Прежде всего необходимо довериться источнику в том, что набедренник связан с повязкой или перевязью, на что указывает контекст использованной Титмаром евангельской цитаты (Лк. 12:35). Предполагать в нём некий фаллический любовный амулет нет оснований, хотя, безусловно, нельзя исключить распространение эротической магии в Киеве начала XI в. Однако, как представляется, функциональное назначение перевязи могло быть принципиально иным — она не разжигала плотские страсти, а, напротив, служила для их усмирения.

В византийской аскетической традиции встречаются сведения о ношении разнообразных предметов (кольца, колокольчики) на половых органах, особенно характерном для юродивых, нередко таким провокативным образом подчеркивающих отречение от мира. Упоминания об этой форме своеобразной аскезы в империи ромеев прослеживаются, начиная с XII в.; они имеются и в агиографической литературе восточных и южных славян (Ivanov 2005, 236–237). Демонстративное унижение становилось одной из форм

¹ Недавно появилась еще одна попытка объяснить этот источниковедческий парадокс, которая, однако, не представляется удачной: Е. В. Верещагина полагает, что византийская принцесса имела два имени, одно из которых тайное, молитвенное, а другое — официальное (Vereshchagina 2017, 395–399). Отметим, что подобная двуименность в Византии не прослеживается по источникам. Смена имени встречалась лишь при переходе в монашество либо — крайне редко — при возведении василевса на трон (случай со Львом III Исавром, Кононом до прихода к власти). Кроме того, даже если принять гипотезу исследовательницы, непонятно, почему «тайное» имя стало известно саксонцам — участникам похода 1018 г. и через них Титмару Мерзбургскому. Предположение о том, что имя Елены было указано на саркофаге в Десятинной церкви (Nikitenko, Vereshchagina 2009, 10), маловероятно: сохранившийся аналогичный саркофаг Ярослава Мудрого, имеющий византийское происхождение, никаких надписей не содержит.

умерщления плоти, избавление от чувственности приближало, в видении современников, к духовному совершенству. Нельзя исключить в этом вопросе более раннего влияния на византийскую аскетику исламского мистицизма, примера бродячих дервишей-каландари (хотя доказать это крайне трудно). Однако всё же более близким к Владимиру Святославичу представляется западный пример св. Франциска Ассизского (1181–1226), проповедовавшего в одной набедренной повязке и таким образом экстравагантно демонстрировавшего свое смирение и самоуничижение (Ivanov 2005, 339–340, 357–358). Разумеется, не приходится прямо отождествлять правителя государства с бродячими отшельниками в византийской, исламской или западной традиции. Препоясывание перевязью в случае с Владимиром, несомненно, не было рассчитано на провокативную демонстрацию, подчеркивая лишь внутреннее смирение перед Богом. Нет ничего удивительного в том, что Титмар неверно интерпретировал доносившиеся до него слухи о необычных деталях туалета князя.

Если наша гипотеза верна, то случай с киевским князем является одним из самых первых примеров подобных аскетических опытов. Лишь столетие спустя такая практика получает распространение на православном Востоке и католическом Западе.

Не преминув укорить «короля» в распутстве, Титмар в той же главе упоминает о его стремлении смыть грех щедрой милостыней. Похоже на то, что в этом случае мы снова имеем дело с неточным истолкованием. Безусловно, князь мог следовать евангельскому контексту, о котором упоминает и Начальная летопись (Lavrentievskaya letopis' 1926, 125–126). Однако не менее важным является то обстоятельство, что щедрость правителя являлась одним из наиболее ценимых его качеств в варварском мире раннего средневековья. Обильные пиры и дары дружине были значимой частью конструирования политического имиджа князя, имели и ритуально-сакральную функцию, объединяя вокруг князя всю верхушку социума русов, наконец, служили для обсуждения и решения текущих задач государственного администрирования (Litvina, Uspenskiy 2018, 8–71). Подтверждаемая различными источниками щедрость крестителя Руси вписывается, таким образом, и в языческую дружинную, и в христианскую смысловую парадигму.

Приведенные интерпретации, при всех их неоднозначности, еще раз доказывают, что информационный потенциал давно введенного в научный оборот источника далеко не исчерпан. Выход за рамки конкретной письменной традиции и более широкое применение компаративистского подхода может привести к изменению наших представлений о Руси и ее правящей элите в X–XI вв.

REFERENCE

- Dölger Fr. 1949: Wer war Theophano. *Historisches Jahrbuch* 62, 646–658.
- Holtzmann R. (Hgb.). 1935. *Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre korveier Überarbeitung*. MGH SS rer. Germ. 9. Berlin.
- Ivanov S. A. 2005: *Blazhennye pokhaby: kul'turnaya istoriya iurodstva*. Moskva. (In Russian).
- Иванов С. А. 2005: Блаженные похабы: культурная история юродства. Москва.
- Lavrentievskaya letopis' 1926: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full Collection of Russian Chronicles] 1. Leningrad. (In Russian).
- Лаврентьевская летопись 1926: ПСРЛ 1. Ленинград.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. 2018: *Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-variashskogo kul'turnogo vzaimodeistviia*. Moskva. (In Russian).
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. 2018: Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. Москва.
- Musin A. E. 2016: *Knyaz' Vladimir Sviatoy i kultura Kievskoy Rusi glazami Merzeburgskogo. Knyazha doba: istoriya i kultura* [Princely era: History and Culture]. 10, 165–198. (In Russian).
- Мусин А. Е. 2016: Князь Владимир Святой и культура Киевской Руси глазами

- Титмара Мерзебургского. Княжа доба: історія і культура. 10, 165–198.
- Nazarenko A. V. 1993: Nemetskie latinoyazychnye istochniki IX–XI vekov. Teksty, perevod, kommentariy. Moskva. (In Russian).
- Назаренко А. В. 1993: Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. Москва.
- Nazarenko A. V. 2001: Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsyplinarnye ocherki kulturnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX – XII vekov. Moskva. (In Russian).
- Назаренко А. В. 2001: Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII вв. Москва.
- Nikitenko N. M., Vereshchagina N. V. 2009: Problema imyanarecheniya knyazya Vladimira v svete novykh issledovaniy. Medievistyka [Medieval Studies]. 5, 6–30. (In Russian).
- Никитенко Н. М., Верещагина Н. В. 2009: Проблема имянаречения князя Владимира в свете новых исследований. Медієвістика. 5, 6–30.
- Poppe A. V. 2008: Vladimir Sviatoi. U istokov tserkovnogo proslavlenniya. Fakty i znaki. Issledovaniya po semiotike istorii [Facts and Signs. Researches on Semiotics of History]. 1, 40–107. (In Russian).
- Поппэ А. В. 2008: Владимир Святой. У истоков церковного прославления. Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. 1, 40–107.
- Poppe A., Poppe D. 1976: Dziewosłęby o porfirogenetkę Anne. In: Cultus et cognitio. Warszawa, 451–468.
- Schramm P. E. 1924: Kaiser, Basileus und Papst der Ottonen. Historische Zeitschrift. 129, 424–475.
- Sverdlov M. B. 1976: Izvestiya o Rusi v khronike Titmara Merzeburgskogo. In: Drevneyshye gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1975 god [Ancient States on the Territory of USSR. Materials and Researches], 102–112. (In Russian).
- Свердлов М. Б. 1976: Известия о Руси в хронике Титмара Мерзебургского. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1975 г., 102–112.
- Vereshchagina N. V. 2017: Dve Eleny v istorii Rusi. Scriptorium nostrum. 2(8), 386–407. (In Russian).
- Верещагина Н. В. 2017: Две Елены в истории Руси. Scriptorium nostrum. 2(8), 386–407.

Резюме

Роменський О. О. *Перечитуючи Титмара Мерзебургського: lumbare venereum та інші вади князя Володимира*

Стаття присвячена інтерпретації повідомлень Титмара Мерзебургського про князя Володимира Святославича. Проведено джерелознавчий аналіз інформації саксонського єпископа про недоліки й гріховні пристрасті “короля Русі”. Образ Володимира — не єдиний негативно змальований серед персонажів хроніки, близьким до нього антигероєм є польський князь Болеслав Хоробрий. Розглянуто полеміку про обставини шлюбу з порфірородною Анною у контексті звинувачень саксонського хроніста щодо «підступного викрадення» князем нареченої. Уточнюються причини анахронізму, допущеного автором хроніки. Акцентовано увагу на дискусії щодо lumbare venereum як деталі княжого туалету. Спростовано версію про lumbare як фалічний амулет чи елемент еротичної магії. Йдеться радше про перев'язь, яка мала гамувати плотські пристрасті у контексті візантійської аскетички. Паралелі до свідчення Титмара можна знайти у візантійській та південнослов'янській агіографії, а також західній та ісламській містичній літературі. Носіння предметів на статевих органах використовувалося як юродивими у візантійській та слов'янській традиції, так і дервішами-каландарі в

ісламському світі. Прикметним є образ Св. Франциска Ассізького, що проповідував, маючи лише пов'язку на стегнах. Проте у випадку з князем перев'язь не була розрахована на провокативну демонстрацію, унаочнюючи внутрішнє смирення перед Богом. Привертається увага до топосу про щедрість князя у контексті традицій варварських суспільств раннього середньовіччя. Щедрість та дари під час бенкету були одними з найбільш поціновуваних цінностей володаря як у країнах Скандинавії, так і в Східній Європі.

Ключові слова: Русь, раннє середньовіччя, князь Володимир, Тітмар Мерзебурзький, *lumbare venereum*, візантійська аскетика.

Summary

A. Romensky. *Re-reading Thietmar of Merseburg: lumbare venereum and other sins of prince Vladimir*

The article is devoted to the interpretation of the messages of Thietmar of Merseburg about Prince Vladimir Svyatoslavich. A source analysis of the information of the Saxon bishop about the shortcomings and sinful passions of the “king of Rus” was carried out. Among the characters of the chronicle the image of Vladimir is not the only one, illuminated negatively, the anti-hero close to him is the Polish prince Boleslaw the Brave. The controversy about the circumstances of the marriage with Anna Porphyrogenita in the context of the accusations of the Saxon chronicler about the “insidious abduction” of the prince of the bride. The reasons for the anachronism allowed by the author of the chronicle are specified. The attention is focused on discussions about the *lumbare venereum* as details of the princely toilet. The version about *lumbare* as a phallic amulet or an element of erotic magic has been disproved. It is rather a bandage, which was intended to suppress the carnal passions in the context of Byzantine asceticism. The parallels to the testimony of Thietmar can be found in Byzantine and South Slavic hagiography, as well as in Western European and Islamic mystical literature. The wearing of items on the genitals was used both by the holy fools in the Byzantine and Slavic traditions, and by the dervishes *qalandars* in the Islamic world. The image of St. Francis of Assisi, who preached in one loincloth, is remarkable. However, in the case of the prince, the ligation was not designed for a provocative demonstration, illustrating the inner humility before God. Attention is drawn to the topos about the prince's generosity in the context of the traditions of the barbarian societies of the early Middle Ages. Generosity and gifts during the feast were among the most sought-after values of the ruler, both in the Scandinavian countries and in Eastern Europe.

Key words: Rus', early Middle Ages, Prince Vladimir, Thietmar of Merseburg, *lumbare venereum*, Byzantine asceticism.

УДК(UDC) 247-766(432.1)(091)"155/158

DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-03

Лютеранство и реформатство в общественно-политической жизни Саксонии второй половины XVI века: от конкуренции к конфликту

Сергей Кариков

В статье рассматривается проблема отношений лютеран и кальвинистов в Саксонии второй половины XVI века. Проанализированы становление реформатства в Германии и попытки его сторонников расширить свое влияние. Показано, что распространение кальвинизма в Саксонии было связано с возникновением филиппистского течения в лютеранстве. Отмечено, что между филиппистами и гнезиолютеранами существовала жесткая конкуренция, что привело к многочисленным дискуссиям среди лютеран. Указано, что политика территориальной власти Саксонии во второй половине XVI в. прошла несколько этапов: от нейтрального отношения к теологическим дискуссиям до разгрома филиппизма при Августе, от поддержки реформатства при Кристиане I до ликвидации его влияния при Софии и Кристиане II. Сделан вывод относительно конституирования основ евангелического и реформатского вероучения во второй половине XVI в., следствием чего стало возникновение ортодоксии.

Ключевые слова: Саксония, конфессионализация, курфюрст Август Саксонский.

Об авторе: **Кариков Сергей Анатольевич;** доктор исторических наук, доцент, Национальный университет гражданской защиты Украины, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина.

e-mail: karikov.nuczu@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5121-4103

Про автора: **Каріков Сергій Анатолійович;** доктор історичних наук, доцент, Національний університет цивільного захисту України, доцент кафедри соціальних і гуманітарних дисциплін; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна.

e-mail: karikov.nuczu@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5121-4103

About the author: **Karikov Sergey;** Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, National University of Civil Protection of Ukraine, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines; V. N. Karazin Kharkiv National University, Associate Professor of the Department of the history of the Ancient World and the Middle Ages; V. N. Karazin Kharkiv National University, School of History, Ukraine, Kharkiv, Sq. Svobody 4, 61022.

e-mail: karikov.nuczu@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5121-410

© С. А. Кариков, 2019

Борьба сторонников Реформации с приверженцами католицизма за утверждение принципов протестантизма в первой половине XVI в. позволила реформационному движению распространиться в различных территориях Германии. В результате заключения Аугсбургского религиозного мира 1555 г. права сторонников Реформации были официально закреплены в пределах Священной Римской империи. Вместе с тем Аугсбургский мир узаконил в германских территориях лишь лютеранскую конфессию: прочие направления протестантизма официального признания не обрели. Дальнейшее распространение протестантских деноминаций, не легитимизированных мирным договором 1555 г., стало длительным процессом, осложнившимся многочисленными проблемами среди приверженцев различных течений Реформации.

Безусловно, в рамках одной работы практически невозможно проанализировать развитие всех направлений протестантизма в эпоху раннего Нового времени. На наш взгляд, в этой связи прежде всего заслуживают изучения узловые точки взаимодействия между ними, с различной интенсивностью проявившегося в отдельных регионах Германии в силу политической раздробленности немецких территорий. В частности, актуальным является рассмотрение конфессиональной ситуации в Саксонии, где во второй половине XVI в. заметно обострились отношения между приверженцами лютеранства и реформатства. Эта ситуация вышла за рамки сугубо догматических расхождений, обусловив участие в ее разрешении представителей как церковной иерархии, так и светской власти. Целью нашего исследования является выяснение причин борьбы лютеран и кальвинистов в саксонском регионе, ее основных этапов и итогов.

Переход курфюршеского престола после гибели Морица к его брату Августу в 1553 г. ознаменовал начало нового этапа конфессионально-политического развития Саксонии. Активное участие саксонских территориальных правителей в военных действиях на территории Священной Римской империи, связанное с длительным противостоянием между сторонниками и противниками Реформации, начало сменяться поиском путей к миру. Хотя первые попытки в этом направлении были предприняты еще при Морице (Пассауское перемирие 1552 г.), более прочная основа для мирного урегулирования была создана уже на последующем этапе развития курфюршества Саксонского. Вместе с тем движение по этому пути осложнялось возникновением новых предпосылок для конфессионально-политической конфронтации. Они были связаны с постепенным возникновением конкуренции лютеранскому влиянию в Саксонии со стороны других протестантских конфессий, прежде всего – реформатской.

В 1549 г. Жан Кальвин и Генрих Буллингер заключили Цюрихское соглашение, текст которого был опубликован в Германии в 1551 году. По мнению Н. Бережной, именно это событие впервые заставило немецких теологов заговорить собственно о кальвинизме (Berezhnaya 2015, 55). К тому времени лютеранские реформаторы были хорошо знакомы с принципами других протестантских течений (цвинглианства, анабаптизма), получивших распространение в Германии в 20–30-х гг. XVI в. Вероятно, и положения «Наставления в христианской вере» Кальвина, опубликованного в 1536 г., к концу 40-х гг. XVI в. уже стали известны им благодаря активной деятельности женеvского реформатора. Однако после заключения Цюрихского соглашения влияние реформатства в германских территориях постепенно начало возрастать.

В 1555 г. был опубликован труд Кальвина «Защита чистого и истинного учения о причастии Господа Нашего», в котором отстаивались принципы Цюрихского соглашения. Возможно, появление названной работы было связано с заключением Аугсбургского религиозного мира, в положениях которого не были четко определены признаки принадлежности к евангелической конфессии, что давало возможность сторонникам Кальвина претендовать на легитимацию реформатского вероучения в пределах Священной Римской империи. Видимо, с этой целью приверженцы реформатства активизировали поиск идейных союзников. В 1557 г. Кальвин обратился к Филиппу Меланхтону с предложением объединиться на базе Цюрихского соглашения. Ответа Меланхтона не последовало, однако отсутствие его прямого отказа было оценено

гнезиолютеранами как сочувствие идеям Кальвина (Berezhnaya 2015, 55). К этому времени имя «наставника Германии» ассоциировалось с таким идейным направлением лютеранства, как филиппизм.

Филиппизм достаточно быстро распространился в курфюршестве Саксонском вследствие значительной популярности Меланхтона, который после смерти Лютера пользовался наибольшим авторитетом среди виттенбергских реформаторов. Меланхтон стремился выработать среди сторонников лютеранства единую позицию касательно важнейших догматов вероучения, в частности согласовать точки зрения относительно формулы «Аугсбургского Вероисповедания».

В то же время филиппистская теология способствовала утверждению кальвинизма в германских землях. Как отмечает Т. Таценко, идеи Меланхтона послужили одним из отправных моментов распространения реформатского вероучения (Tazenko 2017, 256). Некоторые из учеников Меланхтона впоследствии обратились к реформатству – в частности, теолог из Йенского университета Викторин Штригель, приобретший известность в период синергистского спора, а также профессор Виттенбергского университета Кристоф Пецель, издававший произведения Меланхтона и Штригеля (Hegglund 2001, 256). К известным сторонникам Меланхтона относился также его зять, лейб-медик саксонского курфюрста Каспар Пойцер. Женившись на дочери «наставника Германии», Пойцер впоследствии стал его личным врачом и другом. После смерти реформатора он (получив в 1560 г. ученую степень доктора медицины) пользовался значительным авторитетом среди последователей Меланхтона (Ruttkaу 1971, 27). Помимо того, к наиболее известным представителям филиппистской группировки принадлежали врач Иоахим Куреус и реформатор Георг Майор.

Для общественно-политических взглядов филиппистов характерным было стремление соединить церковные и образовательные интересы, что, по мнению филиппистов, должно было способствовать обновлению всего мира (Jung 2012, 201). В подобных идеях улавливаются отголоски гуманистических веяний, что способствовало распространению филиппизма в Виттенбергском и Лейпцигском университетах (Hauschild 2005, 409).

В то же время ожесточенное противодействие филиппистам в Саксонии во второй половине XVI в. оказывали гнезиолютеране (Матиас Флаций, Николаус фон Амсдорф, Иоахим Вестфаль), стремившиеся сохранить в неприкосновенности дух и букву учения Лютера. В частности, они защищали лютеровские взгляды о реальном присутствии тела и крови Христа в элементах Причастия. Тезис филиппистов о единственно духовном присутствии Христа в Причастии дал гнезиолютеранам повод определить оппонентов как криптокальвинистов – тайных (скрытых) приверженцев реформатства (Tazenko 2017, 254–255). Для дальнейших отношений двух группировок до 70-х гг. XVI в. характерным было нарастание идейной конфронтации, проявлявшееся в неоднократных конфликтах на религиозных диспутах и собеседованиях (Вормский диспут 1557 г., Наумбургский съезд 1561 г.).

С принятием Гейдельбергского катехизиса реформатское учение в Германии обрело догматическое воплощение своих идей. При этом названный труд, как отмечает А. Мюлинг, выражал приметы реформатского вероисповедания в умеренном духе, не содержал открытых нападок на дискуссионные положения лютеранского вероисповедания (Mühling 2009, 10). Вероятно, причиной подобной сдержанности было уязвимое положение приверженцев реформатского вероисповедания в Священной Римской империи, поскольку его легитимность не обеспечивалась Аугсбургским религиозным миром 1555 года. Возможно, вследствие этого в третье издание Гейдельбергского катехизиса, вышедшего в марте 1563 г., была дополнительно внесена статья о различии между евангелической Вечерей Господней и католической мессой, где выражено общее для всех сторонников Реформации порицание католической мессы как «отвратительного идолопоклонства» (Tazenko 2017, 259–260). Видимо, приверженцы Гейдельбергского катехизиса хотели тем самым подчеркнуть фундаментальную общность в учении и культе, несмотря на различия между лютеранством и реформатством (Mühling 2009, 11).

На преодоление идейных расхождений в евангелическом лагере существенно повлиял курс территориальной власти курфюршества Саксонского. Когда в анонимном трактате, опубликованном в 1574 г., из идей Меланхтона о причащении были сделаны выводы в духе реформатского вероучения, против позиций виттенбергских филиппистов прямо

выступил курфюрст Август. Он был поддержан своей супругой Анной и проповедником Георгом Листением – приверженцами формировавшейся лютеранской ортодоксии.

В теологическом конфликте между гнезиолютеранами и филиппистами Август Саксонский выступил с позиций судьи (Hasse 2017, 168). После разгрома филиппистской группировки в 1574 г. это течение более десяти лет последовательно искоренялось территориальной властью Саксонии на различных уровнях общества. На протяжении короткого времени большинство филиппистов было лишено должностей священнослужителей и преподавателей на территории курфюршества Саксонского. Нетерпимость в отношении приверженцев филиппистского учения стала свидетельством курса курфюрста на утверждение конфессиональной гомогенности в подвластных ему территориях (Rudersdorf 2017, 15). Вследствие этого стала осуществляться унификация идейного содержания лютеранства.

Неприятие филиппизма территориальной властью было отражено, в частности, в Саксонском церковном уставе 1580 г., положения которого закрепляли принципы лютеранской ортодоксии. Догматическое обоснование такого подхода было представлено ранее в «Формуле согласия» (1577 г.), ряд положений которой прямо отвергал филиппистское толкование принципов лютеранства (в частности, трактовку догмата об искуплении грехов).

Все саксонские священнослужители, преподаватели университетов и школьные учителя, не подписавшиеся под «Формулой согласия», подлежали увольнению. Их места занимали приверженцы лютеранской ортодоксии – как из Саксонии, так и из других территорий Германии. В частности, из Брауншвейгско-Вольфенбюттельского герцогства в Дрезден был приглашен Якоб Андреа, впоследствии занявший должность канцлера Виттенбергского университета, из Вюртембергского герцогства – Поликарп Лейзер, ставший придворным проповедником, а также другие видные лютеранские священнослужители. На наш взгляд, практика подобных приглашений свидетельствует о постепенном формировании единой религиозной идентичности как важном результате лютеранской конфессионализации в германских землях.

Зачастую сторонники филиппизма изгонялись за пределы Саксонии либо подвергались аресту. Так, преподаватель Лейпцигского университета Эрнст Фегелин, обвиненный в криптокальвинизме, должен был уплатить штраф в 1000 флоринов (Zinck 1903, 91). Профессор Ксиландер, приглашенный из Гейдельбергского университета для преподавания в Лейпциге, после обвинения в поддержке идей филиппизма был вынужден оставить преподавательскую должность в университете и покинуть Саксонию (Zinck 1903, 104). Каспар Пойцер (бывший преподаватель Виттенбергского университета и личный врач курфюрста) пребывал в заключении на протяжении 1576–1586 гг. – до смерти Августа Саксонского (Shaff 2009, 48).

Упомянутое событие стало рубежом, ознаменовавшим наступление нового периода в отношении территориальной власти Саксонии к приверженцам реформатства. Наследник Августа Саксонского, новый саксонский курфюрст Кристиан I (1586–1591) стремился соединить личную волю с общим внешним и внутренним курсом династии. И если Август придерживался принципов лютеранской ортодоксии, то его сын с самого начала правления взял линию на прощение, поощрение и сближение с остатками кальвинистской партии. Как отмечает Т. Таценко, такой курс курфюрста Кристиана I не был обусловлен влиянием извне, но опирался на традиции филиппизма в самой Саксонии, хотя и ослабленные репрессиями в последнее десятилетие правления курфюрста Августа. Политика Кристиана I была связана с борьбой за укрепление государственной власти против сильной дворянской сословной организации в курфюршестве (Tazenko 2017, 265). Утверждение в должности саксонского канцлера кальвиниста Николая Крелля и поэтапный отход от принципов «Формулы Согласия» с конца 80-х гг. XVI в. ознаменовали кардинальный религиозный поворот в семье альбертинских Веттинов (Ргокор'уев 2016, 212–213).

При курфюрсте Кристиане I кальвинизм постепенно начал преобладать при дворе в Дрездене. А. Прокопьев, отмечая видных приверженцев реформатской конфессии среди придворных (помимо канцлера Крелля, к ним принадлежали советник Андреас

Пауль и придворный духовник Иоганн Зальмут), связывает распространение кальвинистских взглядов с филиппистскими идеями (Prokor'uev 2008, 135). Э. В. Цееден прямо определяет эти события как «вторую волну» филиппизма, также подчеркивая ее значительное влияние среди высших слоев общества Саксонии (Zeeden 1965, 21–22).

Социальной опорой политики курфюрста выступала часть верхушки саксонского бюргерства, склонная к идеям реформатства. При их поддержке Кристиан I стремился осуществить реформу территориальной церковной организации Саксонии и сблизиться с кальвинистами в других регионах Германии. В частности, канцлер Крелль наладил диалог с пфальцграфом Иоганном Казимиром, что должно было содействовать созданию протестантского альянса. В этот период были осуществлены реформы в кальвинистском духе школ и университетов, консисторий, а также было подготовлено переиздание лютеровской Библии с комментариями теологов-реформатов (Prokor'uev 2008, 207).

Тем не менее, окончательной победы реформатского вероучения в Саксонии не произошло. По мнению А. Прокопьева, попытка изменения религиозного курса не имела никаких шансов на успех в виду крайней узости социальной базы саксонского кальвинизма и уже состоявшегося к концу 80-х гг. XVI в. органичного вrastания лютеранства во все сферы повседневности (Prokor'uev 2008, 207).

После смерти Кристиана I недолгий период расцвета кальвинизма на территории Саксонии завершился. В период правления вдовы саксонского курфюрста Софии Бранденбургской (1591–1601) и его наследника Кристиана II (1601–1611) был восстановлен прежний конфессионально-политический курс Саксонии. Тем самым попытка реформатской конфессионализации в курфюршестве Саксонском потерпела неудачу. Последовавшая за ней резкая реакция лютеранской ортодоксии достаточно быстро искоренила влияние реформатства (Hoyer 1993, 148). Бывший канцлер Крелль, на протяжении десяти лет пребывавший в заключении, был казнен в 1601 г., что ознаменовало окончательное поражение реформатства в саксонском регионе.

Таким образом, взаимоотношения лютеран и кальвинистов в Саксонии во второй половине XVI в. прошли путь от острой конкуренции до прямого конфликта, связанного с напряженной идейной борьбой между гнезиолутеранами и филиппистами внутри самого евангелического лагеря. Как кальвинисты, так и лютеране в ходе этой борьбы стремились конституировать основы своего вероучения. Для реформатства подобную роль сыграла разработка Гейдельбергского катехизиса, для лютеранства – утверждение «Формулы согласия», связанное с победой курса Августа Саксонского на искоренение филиппизма. Попытка реставрации филиппистского учения при Кристиане I имела временный успех, но в итоге оказалась неудачной в силу ряда обстоятельств, прежде всего – противодействия со стороны уже оформившейся лютеранской ортодоксии, опиравшейся на прочные традиции лютеранского вероучения в Саксонии.

REFERENCE

- Berezhnaya N. A. 2015: Melancthon i problema kryptokalvynyzma v protestantskoi Hermanyu seredyny XVI v. Klyo [Clio]. 1(97), 54–57. (In Russian).
- Бережная Н. А. 2015: Меланхтон и проблема криптокальвинизма в протестантской Германии середины XVI в. Клио. 1(97), 54–57.
- Hasse H.-P. 2017: Lutherisches Konfessionsbewusstsein und Kirchenpolitik des Kurfürsten August von Sachsen. In: Kurfürst August von Sachsen. Ein nachreformatorischen «Friedensfürst» zwischen Territorium und Reich. Dresden, 166–175.
- Hauschild W.-D. 2005: Lehrbuch der Kirchen- und Dogmengeschichte. Bd. 2. Gütersloh.
- Hegglund B. 2001: Ystoryia teolohyy. 2-e izd. Sankt-Peterburh. (In Russian).
- Хегглунд Б. 2001: История теологии. 2-е изд. Санкт-Петербург.
- Hoyer S. 1993: Stände und calvinistische Landespolitik unter Christian I. (1587–1591) in Kursachsen. Territorialstaat und Calvinismus. Stuttgart, 137–149.
- Jung M. H. 2012: Reformation und Konfessionelles Zeitalter (1525–1648). Göttingen.
- Mühling A. 2009: Der Heidelberger Katechismus im 16. Jahrhundert: Entstehung, Zielsetzung,

- Rezeption. Monatshefte für Evangelische Kirchengeschichte des Rheinlandes. 58, 1–11.
- Prokop'yev A. Yu. 2008: Hermanyia v epokhu relyhyoznoho raskola. 1555–1648. 2-e izd. Sankt-Peterburh. (In Russian).
- Прокопьев А. Ю. 2008: Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. 2-е изд. Санкт-Петербург.
- Prokop'yev A. Yu. 2016: Svetskaia y dukhovnaia vlast v rannei liuteranskoj ortodoksyy: Polykarp Leizer Starshyi (1552–1610). Relyhyia. Vlast. Obshchestvo [Religion. Power. Society]. 5, 199–236. (In Russian).
- Прокопьев А. Ю. 2016: Светская и духовная власть в ранней лютеранской ортодоксии: Поликарп Лейзер Старший (1552–1610). Религия. Власть. Общество. 5, 199–236.
- Rudersdorf M. 2017: Kurfürst August von Sachsen. Ein neuer nachreformatorischer Fürstentypus im Konfessionsstaat des Alten Reiches. In: Kurfürst August von Sachsen. Ein nachreformatorischen «Friedensfürst» zwischen Territorium und Reich. Dresden, 8–25.
- Ruttkay L. 1971: Jessenius als Professor in Wittenberg – zum 350. Todesjahr von Jessenius. Orvostörténeti közlemények. Commutationes de historia artis medicinae. 62–63, 13–55.
- Shaff F. 2009: Ystoryia khrystyanskoj tserkvy. T. 7. Sankt-Peterburh. (In Russian).
- Шафф Ф. 2009: История христианской церкви. Т. 7. Санкт-Петербург.
- Tazenko T. N. 2017: Reformatsvo (kalvynyzm) v Hermanyu XVI v. Trudy Sankt-Peterburhskoho ynstytuta ystoryi RAN [Works of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of sciences]. 3(19), 245–286. (In Russian).
- Таценко Т. Н. 2017: Реформатство (кальвинизм) в Германии XVI в. Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. 3(19), 245–286.
- Zeeden E. W. 1965: Die Entstehung der Konfessionen. Grundlagen und Formen der Konfessionsbildung im Zeitalter der Glaubenskämpfe. München; Wien.
- Zinck P. 1903: Die Universität Leipzig in den kryptocalvinistischen Wirren zur Zeit des Kurfürsten August. Beiträge zur sächsischen Kirchengeschichte. 16, 71–119.

Резюме

Кариков С. А. Лютеранство та реформатство в суспільно-політичному житті Саксонії другої половини XVI століття: від конкуренції до конфлікту

У статті розглянуто проблему відносин лютеран і кальвіністів у Саксонії у другій половині XVI ст. Проаналізовано становлення реформатства в Німеччині і спроби його прихильників розширити свій вплив. Показано, що поширення кальвінізму в Саксонії було пов'язане з виникненням філіпістської течії в лютеранстві. Відзначено, що між філіпістами та гнезіолютеранами існувала жорстка конкуренція, що привело до численних дискусій серед лютеран. Зазначено, що політика територіальної влади Саксонії в другій половині XVI ст. пройшла кілька етапів: від нейтрального ставлення до теологічних дискусій до розгрому філіпізму при Августі, від підтримки реформатства при Крістіані I до ліквідації його впливу при Софії і Крістіані II. Зроблено висновок щодо конституювання засад євангелічного і реформатського віровчення в другій половині XVI ст., наслідком чого стало виникнення ортодоксії.

Ключові слова: Саксонія, конфесіоналізація, лютеранство, реформатство, курфюрст Август Саксонський.

Summary

S. Karikov. *Lutheranism and reformism in the socio-political life of Saxony in the second half of the 16th century: from the competition to the conflict*

The article considers the problem of relations between Lutherans and Calvinists in Saxony in the second half of the 16th century. The formation of Reformism in Germany and the attempts of its supporters to expand their influence are analyzed. It is shown that the spread of Calvinism in Saxony was associated with the emergence of the movement of Philippists as

a part of the Lutheranism. It was noted that there was fierce competition between the Philippists and the Gnesiolutherans, which led to numerous discussions among Lutherans. It is indicated that the policy of the territorial authority of Saxony in the second half of the 16th century went through several stages: from a neutral attitude to theological discussions to the defeat of Philippism under Elector Augustus of Saxon, from the support of reformism under Elector Christian I to the liquidation of its influence under Elector Sophia and Elector Christian II. The conclusion that the relationship between Lutherans and Calvinists in Saxony in the second half of the 16th century. That relationship went from intense competition to direct conflict over the intense ideological struggle between the Gnesiolutherans and the Philippists within the evangelical camp itself. Both Calvinists and Lutherans in the course of this struggle sought to constitute the foundations of their creed is made. Such role was played for Reformism by the affirmation of the Heidelberg catechism and for Lutheranism by the ratification of the “Formula of consent”, connected with the victory of Elector’s Augustus of Saxon course towards the eradication of Philippism. The attempt to restore the Philippism teachings under Elector Christian I had a temporary success, but in the end was unsuccessful primarily as a result of opposition from the already established Lutheran orthodoxy.

Key words: Saxony, confessionalization, Lutheranism, reformism, Elector Augustus of Saxon.

Публикаци

Публикації

Publications

УДК(UDC)903.25:903.5"15(=221.11)(477.54)"07/09"

DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-04

Пронизки редких видов из захоронений раннесредневековых алан Харьковщины

Виктор Аксёнов

Работа вводит в научный оборот бронзовые пронизки, обнаруженные в катакомбах № 5 Старо-Салтовского и № 145, 153 четвертого участка Верхне-Салтовского некрополей. В катакомбе № 5 Старо-Салтовского и № 145 Верхне-Салтовского некрополей найдены тисненые пластины, являющиеся, по нашему мнению, составными частями флаконовидных пронизок. По своей форме и технике изготовления они близки к так называемым флаконовидным пронизкам типа 3 с памятников Пермского Предуралья, которые датируются первой половиной X в. Салтовские же комплексы с флаконовидными пронизками относятся к концу VIII — началу IX вв. (катакомба № 5) и первой половине IX в. (катакомба № 145). Обнаруженные в салтовских катакомбах бассейна Северского Донца тисненые пронизки флаконовидного типа датируются тем же временем (вторая половина VIII — середина IX вв.), что и подобные пронизки ломоватовской культуры с территории Верхнего Прикамья, наиболее ранняя форма которых (VII—VIII вв.) была заимствована у носителей неволинской культуры. Таким образом, данные изделия из салтовских катакомб повторяют форму финно-угорских флаконовидных пронизок. И если у населения Прикамья и Предуралья флаконовидные пронизки использовались в качестве игольников, то в салтовских памятниках они, вероятно, играли роль своеобразного магического предмета-оберега, являясь окончаниями кожаных шнурков, прикрепленных к «рогатым» пряжкам. Это подтверждает место их обнаружения на костяке погребенной женщины из катакомбы № 5 Старо-Салтовского могильника.

Об авторе: **Аксёнов Виктор Степанович**, кандидат исторических наук, Харьковский исторический музей имени Н. Ф. Сумцова, зав. отделом археологии; Харьковский исторический музей имени Н. Ф. Сумцова, ул. Университетская, 5, Харьков, 61003, Украина.

e-mail: aksyonovviktor@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0648-0696

Про автора: **Аксёнов Віктор Степанович**, кандидат історичних наук, Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова, зав. відділом археології; Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова, вул. Університетська, 5, Харків, 61003, Україна.

e-mail: aksyonovviktor@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0648-0696

About the author: **Aksyonov Viktor**, PhD (History), AssociateProfessor, Early medieval archeology of Eastern Europe, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum head of archeology department; M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Ukraine, Kharkiv, Universitetskaya St. 5, 61003.

e-mail: aksyonovviktor@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0648-0696

© В. С. Аксёнов, 2019

В катакомбе № 153 Верхне-Салтовского могильника была обнаружена бронзовая пронизка, которая имеет форму прорезного цилиндра с плавным расширением в средней части. Тело пронизки состоит из трех вертикально расположенных полосок-косичек, пространство между которыми заполнено соединенными попарно в виде восьмерки каплевидными фигурами, обращенными сужающимися концами к концам изделия. По размерам и форме данное изделие отдаленно напоминает пронизки с одним вздутием из неволинских древностей VIII — начала IX вв. (тип 5, подтип а, варианты 2, 3, 4). По материалам, обнаруженным в катакомбе № 153, данная пронизка датируется концом VIII — первой четвертью IX вв. У носителей неволинской, ломоватовской, полоумской, бахмутинской, турбаслинской культур подобные пронизки со вздутием украшали шнуры, свисающие с поясного ремня. У аланского населения Верхнего Салтова данная пронизка, вероятно, входила в состав ожерелья девочки-подростка.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, катакомба, пронизка, финно-угорские древности, аланы.

Последняя четверть I тыс. н. э. являлась временем активных межплеменных контактов между населением Волго-Окского междуречья, Прикамья, Среднего Поволжья и носителями салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца.

О таких контактах свидетельствует присутствие в материалах Крюковско-Кужновского, Журанинского и им синхронных могильников салтовских вещей (амулетов, украшений, элементов поясной гарнитуры, керамических сосудов и т. п.) (Вихляев 1974, 59–61). В то же время в материалах салтовских некрополей встречаются изделия, характерные для финно-угорских народов лесной полосы Восточной Европы. Это, в первую очередь, шумящие коньковые подвески (Михеев 1982, 162, рис. 2; 6: 1–3) и немногочисленные личные украшения, и детали костюма (Аксёнов 2007, 45–47, рис. 1). Однако в последней четверти XX — начале XXI вв. в катакомбных захоронениях бассейна Северского Донца был обнаружен ряд предметов, сочетающих в себе черты, характерные как для финно-угорских, так и салтово-маяцких древностей, т. е. имеющих синкретический характер.

Речь идет о бронзовых пронизках из катакомб № 5 Старо-Салтовского (ССМ), № 145, 153 четвертого участка Верхне-Салтовского некрополя (ВСМ-IV).

В катакомбах № 5 ССМ и № 145 ВСМ-IV найдены три изделия, которые состоят из двояных, вытянутых по высоте пластин трапециевидной формы со слегка сведенными друг к другу длинными боками (рис. 1: 1–3). Нижний края пластин прямой, верхний план пластин оформлен в виде сужающегося к краю устья-горлышка. Пластины тисненные. По периметру пластин проходит неширокая плоская закраина. Высота пластин 5,0–5,4 см, ширина 2,1–2,4 см. Пластины соединены попарно так, что в верхней части изделия образуется цилиндрическая полость диаметром 3–4 мм, а нижняя часть остается открытой. Поле пластин из катакомбы № 5 ССМ украшено точечным орнаментом, выполненным при помощи пуансона. Орнамент состоит из цепочек точек, образующих орнамент в виде псевдозерни, повторяющих контуры пластин. Центральное поле пластин одного изделия оформлено в виде пяти крупных круглых жемчужин, окаймленных почками псевдозерни (рис. 1: 1). Поле второго изделия украшено тремя крупными жемчужинами в окружении псевдозерни, пространство между которыми заполнено двояными цепочками псевдозерни (рис. 1: 2). Поле пластины из катакомбы № 145 декорировано в центральной части композицией из скобовидных линий, образующий орнамент в виде «елочки» (рис. 1: 3).

Катакомба № 5 ССМ датируется концом VIII — началом IX вв. (Аксёнов 1999, 141). Металлические украшения поясного ремня, происходящие из катакомбы № 145

ВСМ-IV, характерны для комплексов II хронологическим горизонтом салтовских древностей (790 — начало IX в.) (Комар 1999, 132, табл. 4). Однако обнаруженные в этой катакомбе две арабские монеты (одна — Аббасиды, Мединат ас-Салам, 772/773 г. н. э., вторая — имитация аббасидского дирхема, датируемая второй четвертью IX в.)¹ позволяют отнести данный погребальный комплекс ко времени не позднее середины IX в.

Аналогий данным изделиям в салтовских классических древностях бассейна Северского Донца нет. По своей форме и технике изготовления (тиснение) они близки к так называемым флаконовидным пронизкам типа 3 (по классификации Н. Б. Крыласовой) (Крыласова, Подосёнова 2018, 56, рис. 3: 7–11), которые датируются достаточно узко — первой половиной X в. (Крыласова, Подосёнова 2018, 56). Орнамент в виде композиции из скобовидных линий, образующих «елочку», представлен на литых бронзовых флаконовидных пронизках с памятников Пермского Предуралья (тип 2, подтип 1, вариант г) (Крыласова, Подосёнова 2018, рис. 1: 23–30), где они встречаются с X в. и бытуют до конца XII в. (Крыласова, Подосёнова 2018, 54). При этом литые флаконовидные пронизи в незначительном количестве встречены в захоронениях салтовского времени Среднего Поволжья (Большетиганский, Танкеевский могильники), где они происходят из комплексов рубежа IX—X и первой половины X вв. (Казаков 1992, 288–289, рис. 97; Руденко 2007, 114).

Таким образом, обнаруженные в салтовских катакомбах бассейна Северского Донца тисненные пронизки флаконовидного типа датируются тем же временем (вторая половина VIII — середина IX вв.), что и подобные пронизки ломоватовской культуры с территории Верхнего Прикамья (Голдина 1985, рис. 16: 122), наиболее ранняя форма которых (VII — VIII вв.) (рис. 1: 4) была заимствована у носителей неволинской культуры (Крыласова, Подосёнова 2018, 58).

Таким образом, данные изделия из салтовских катакомб повторяют форму финно-угорских флаконовидных пронизок. Их декор находит прямые аналогии в изделиях предсалтовского и салтовского времени с памятников лесостепного Днепроовского левобережья и Северного Кавказа (фибулы Пастырского городища, Ивахники, Песчанка, пластина из катакомбы № 124 могильника Мокрая Балка, салтовские наконечники поясов) (Амброз 1993, рис. 3: 36, 37; Афанасьев Рунич 2001, рис. 154: 1; Плетнева 1981, рис. 37: 84). Однако, аналогичный орнамент встречается и на ранних литых флаконовидных пронизках неволинской культуры (рис. 1: 4).

О назначении флаконовидных пронизок у исследователей нет единого мнения. Так, В. Ф. Генинг считал их концевыми подвесками к кистям поясов (Генинг 1964, 157, табл., VI: 16). Н. Б. Крыласова интерпретировала их как часть наконечника, или же они являлись окончаниями низок бронзовых бус (Крыласова 2001, 74). Позже она изменила свое мнение. По мнению ученой, флаконовидные пронизки служили футлярами для хранения игл (игольниками) (Крыласова 2007, 239). В одной из последних своих работ Н. Б. Крыласова указала, что данные артефакты являлись не только поясными и наконечными украшениями, но и «несли утилитарное назначение, служили одновременно футлярами для игл» (Крыласова, Подосёнова 2018, 49). К. А. Руденко предположил, что функционально не все такие изделия могли быть игольниками, ибо изделия с отверстиями не защищала железные иглы от внешних воздействий и не очень удобны для открывания (Руденко 2007, 113). По его мнению, так как флаконовидные пронизи, как и близкие им по форме серебряные флакончики, происходят в основном из захоронений женщин и подростков женского пола, то населением Среднего Поволжья салтовского времени они «использовались как детали косметического набора, о чём свидетельствует их расположение в захоронениях» (Руденко 2007, 114).

Техника изготовления тисненных флаконовидных пронизок Предуралья достаточно полно реконструирована (Крыласова, Подосёнова 2018, 56), что позволяет видеть в них

¹ Определение Вяч. С. Кулешов (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж).

окончания кожаных шнуров, а припуск из кожи в нижней части изделия служил для подвешивания к нему шумящих элементов (Крыласова, Подосёнова 2018, рис. 5: 1В; 3: 8, 9; Спицын 1902, табл. IX: 11).

В катакомбе № 5 ССМ рассматриваемые пластины находилось рядом с «рогатой» пряжкой (рис. 2: 2), к которой было привешена та бронзовая цепочке бронзовая туалетная коробочка (рис. 2: 3). Здесь же лежали: бронзовая туалетная ложечка (рис. 2: 6), две туалетные кисточки (рис. 2: 4, 5). Два бронзовых колокольчика в катакомбе № 5 лежали чуть ниже двух флаконовидных изделий (рис. 2: 9, 10) и, вероятно, составляли с ними один комплект (рис. 1: 5а — 5с). Как видим, в катакомбе № 5 флаконовидные пронизки (рис. 2: 7, 8) входят в комплект туалетных принадлежностей. Однако, будучи подвешенными к «рогатой» пряжке вместе с набором туалетных принадлежностей, они, по-видимому, выполняли функцию оберегов-амулетов. В салтовских катакомбных захоронениях к «рогатым» пряжкам достаточно часто помимо туалетных принадлежностей подвешивались на бронзовых цепочках или кожаных шнурках наборы разнообразных амулетов (Хоружая 2009, рис. 1: 8).

Исходя из этого, можно предположить, что найденные в катакомбных захоронениях № 5 ССМ и № 145 ВСМ-IV тисненые, двухсоставные флаконовидные пронизки являются окончаниями кожаных шнурков, игравших роль магического предмета-оберега.

В катакомбе № 153 ВСМ-IV среди разбросанных по полу человеческих останков (мужчины и девочки-подростка) была обнаружена бронзовая пронизка, которая имеет форму прорезного цилиндра длиной 3,4 см с плавным расширением в средней части (рис. 3: 1). Диаметр пронизки в средней части составляет 1,8 см, диаметр на концах — 1,3 см. Тело пронизки состоит из трех вертикально расположенных полосок-косичек, пространство между которыми заполнено соединенными попарно в виде восьмерки каплевидными фигурами, обращенными сужающимися концами к концам изделия. Каплевидные фигуры пронизки выполнены из гладких бронзовых полосок. По элементам поясной гарнитуры, происходящим из этой катакомбы (рис. 3: 2—7), данный погребальный комплекс датируется концом VIII — первой четвертью IX вв. (хронологический горизонт II/III салтовских древностей (Комар 1999, табл. 4; Комар 2018, 354, рис. 39)). Не противоречит такой датировке комплекса и обнаруженный в захоронении аббасидский дирхем, отчеканенный в последней четверти VIII в. и превращенный в нашивку путем пробития в нем двух отверстий.

Аналогов среди салтовских древностей данной пронизки нет. По размерам и форме она отдаленно напоминает пронизки с одним вздутием из неволинских древностей VIII — начала IX вв. (тип 5, подтип а, варианты 2, 3, 4) (Голдина 2012, 45, рис. 174: 4 — 9). Однако прикамские (шире — предуральские) пронизки отличается от найденной в салтовской катакомбе, наличие выступающих закраин/муфт с обеих сторон, снабженных к тому же поперечными линиями (1—3 и больше). Для них же характерно отсутствие прорезей во вздутой части изделия, а если прорезы здесь и присутствуют, то они имеют щелевидную форму (рис. 3: 8—13). Всё это характерно для поздних этапов неволинской, ломоватовской, полемской, бахмутинской, турбаслинской культур, соответствующих салтовскому времени (Голдина 1985, табл. 24: 9, 13, 17, 20, 30—35, 43—46; Спицын 1902, табл. III: 2; X: 20, 21; XXXVIII: 3, 6). К тому же на прикамских изделиях не известны фигуры из двух противопоставленных петель («восьмерковидные»). Сближает же наше изделие с прикамскими наличие перемычек в виде косичек, ибо технология плетеного воска типична для камских древностей, для которых характерны прямые жгуты (Голубева 1984, рис. 1, 2; Спицын 1902, табл. III: 1,6; X: 5; XII: 5; XIII: 3, 13). Таким образом, пронизку из катакомбы № 153 ВСМ-IV по форме и технологии изготовления можно считать продуктом

ремесленников Прикамья и Предуралья. Однако она, по-видимому, была изготовлена в соответствии с эстетическими вкусами представителей другой этнической группы населения — аланского этноса лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. И если у носителей неволинской, ломоватовской, полемской, бахмутинской, турбаслинской культур подобные пронизки со вздутием украшали шнуры, свисающие с поясного ремня (Голдина 2012, табл. 37; 42: 2; 51: 1; 62: 2; 67), то у аланского населения Верхнего Салтова данная пронизка, вероятно, входила в состав ожерелья девочки-подростка. Таким образом, данные находки в катакомбных захоронениях аланского населения Верхнего Салтова свидетельствуют, что население салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца использовали не только отдельные категории вещей финно-угорского типа (коньковые шумящие подвески). Салтовцами могли заимствоваться интересные формы изделий/украшений, которые перерабатывались в соответствии со своими эстетическими вкусами. Подтверждением чему и служат находки в катакомбах Старо-Салтовского и Верхне-Салтовского могильников единичных экземпляром рассмотренных выше украшений.

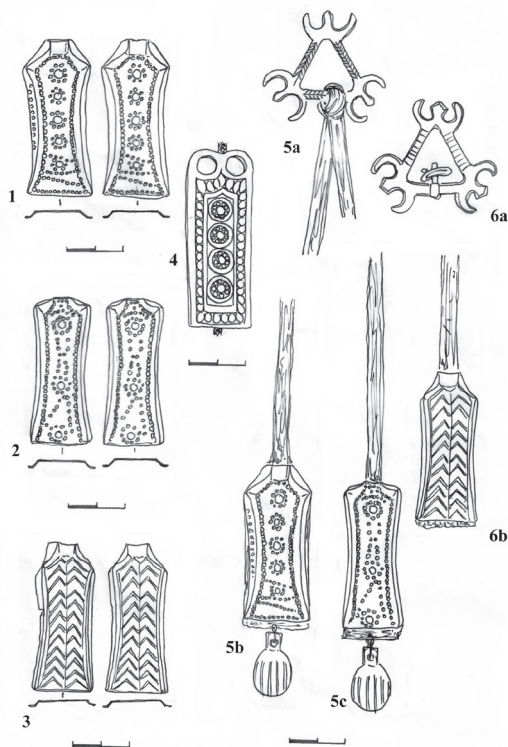

Рис. 1. Флаконовидные пронизки: 1, 2 — катакомба № 5 Старо-Салтовского могильника; 3 — катакомба № 145 Верхне-Салтовского IV могильника; 4 — ранняя пронизка неволинской культуры; 5, 6 — реконструкция использования флаконовидных пронизок салтовским населением (1–3, 5, 6 — рисунки автора; 4 — рисунок из Голдина Р. Д. 2012)

Fig. 1. Bottle-shaped threadings: 1, 2 — catacomb No. 5 of the Staro-Saltov burial ground; 3 — catacomb No. 145 of the Verkhny Saltov IV burial ground; 4 — early threading of Nevolin culture; 5, 6 — reconstruction of the use of bottle-shaped threadings by the Saltov population (1–3, 5, 6 — the author's drawings; 4 — drawing by R. D. Goldin 2012)

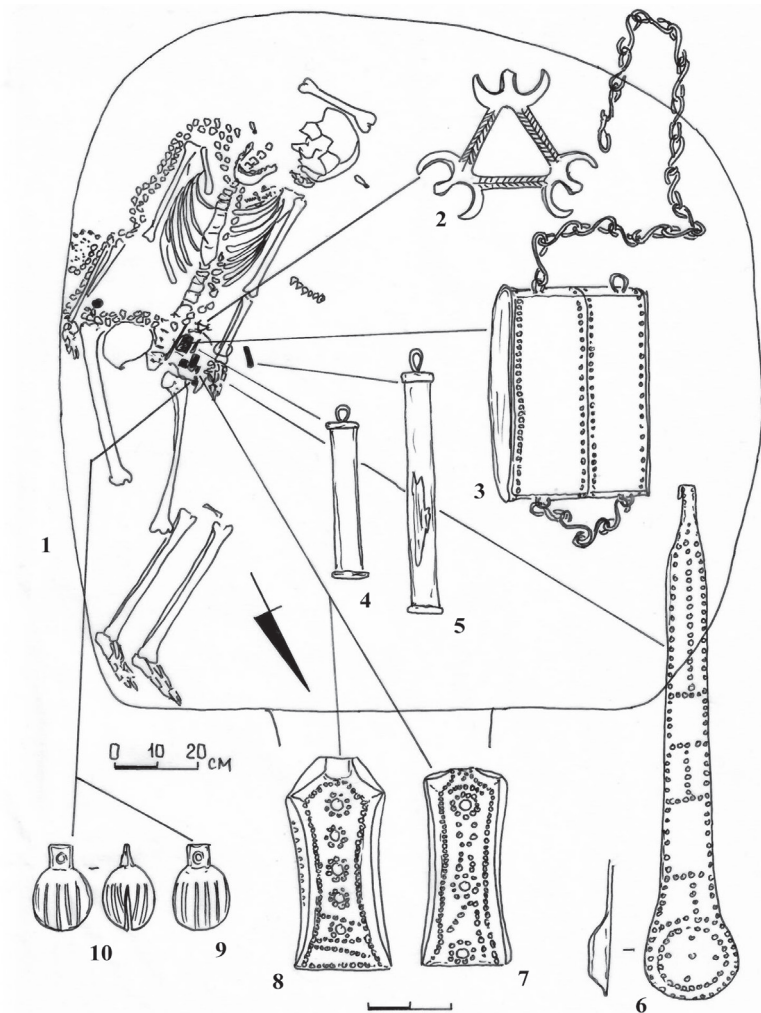

Рис. 2. Катакомба № 5 Старо-Салтовского могильника: 1 — план погребальной камеры; 2 — «рогатая» пряжка; 3 — туалетная коробочка; 4, 5 — металлические ручки туалетных кисточек; 6 — туалетная ложечка; 7, 8 — флаконовидные пронизки; 9, 10 — литые бубенчики (рисунки автора)

Fig. 2. Catacomb No. 5 of the Staro-Saltov burial ground: 1 — plan of the burial chamber; 2 — “horned” buckle; 3 — toilet box; 4, 5 — metal handles of toilet brushes; 6 — a toilet spoon; 7, 8 — bottle-shaped threadings; 9, 10 — cast bells (author's drawings)

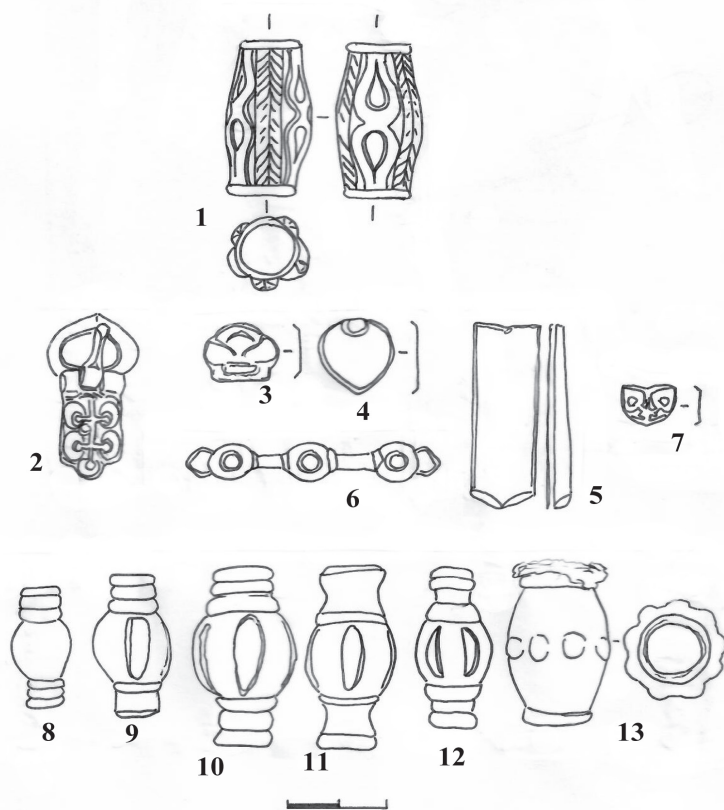

Рис. 3. Пронизки и сопровождающий инвентарь: 1 — пронизка из катакомбы № 153 Верхне-Салтовского IV могильника; 2— 5— элементы поясной гарнитуры из катакомбы № 153; 6 — украшения ремней обуви из катакомбы № 153; 8—13 — виды пронизок из погребений Неволинского могильника (1—7 — рисунки автора, 8—13 — рисунок из Голдина Р. Д. 2012)

Fig. 3. Threadings and accompanying inventory: 1 — a threading from the catacomb No. 153 of the Verkhny Saltov IV burial ground; 2— 5 — elements of the belt set from the catacomb No. 153; 6 — decoration of shoe belts from the catacomb No. 153; 8—13 — types of threadings from the burials of the Nevolin burial ground (1—7 — drawings of the author, 8—13 — drawing by R. D. Goldin 2012)

REFERENCE

- Aksenov V. S. 1999: Starsaltovskij katakombny`j mogil`nik. Vita antiqua. 2. 137–149. (In Russian).
 Аксенов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник. Vita antiqua. 2. 137–149.
 Aksenov V. S. 2007: К вопросу о характере контактов алано-болгар Подонцов`ya s naseleniem Volgo-Okskogo mezhdurech`ya i Prikam`ya v hazarskoe vremya. Siver-shchyna v konteksti istorii Ukrainy. Sumy, 45–47. (In Russian).
 Аксенов В. С. К вопросу о характере контактов алано-болгар Подонцовья с населением Волго-Окского междуречья и Прикамья в хазарское время.

- Ambroz A. K. 1993: K proiskhozhdeniyu dneprovskix antropo-zoomorfny`kh fibul. Rossijskaya arkheologiya [Russian archeology]. 2, 179–184. (In Russian).
Амброз А. К. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул. РА. 2, 179–184.
- Afanas'ev G. E., Runich A. P. 2001: Mokraya Balka. Vy`pusk 1. Dnevnik raskopok. M. (In Russian).
Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Мокрая Балка. Выпуск 1. Дневник раскопок. М.
- Vixlyaev V. I. 1974: Kul'turny`e svyazi sursko-czninskoj mordvy` s alanskimi plemenami Severnogo Kavkaza i Dona vo vtoroj polovine I ty's. n. e`. In: Materialy` po arkheologii i e`tnografii Mordvy`. Trudy` [Materials on archeology and ethnography of Mordva. Proceedings]. 45. Saransk, 57–69. (In Russian).
Вихляев В. И. Культурные связи сурско-цнинской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н. э. Материалы по археологии и этнографии Мордвы. Труды. 45. Саранск, 57–69.
- Gening V. F. 1964: Demenkovskij mogil'nik — pamyatnik lomovатовской kul'tury`. Voprosy` akheologii Urala [Questions of Archeology of the Urals]. 6. Sverdlovsk. (In Russian).
Генинг В. Ф. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. Вопросы археологии Урала. 6. Свердловск.
- Goldina R. D. 1985: Lomovатовskaya kul'tura v Verkhnem Prikam`e. Irkutsk. (In Russian).
Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Goldina R. D. 2012: Nevolinskij mogil'nik VII—IX vv. v Permskom Predural'e. Izhevsk. (In Russian).
Голдина Р. Д. Неволинский могильник VII—IX вв. в Пермском Предуралье. Ижевск.
- Golubeva L. A. 1984: Shumyashhie podveski s izobrazheniyami konya iz katakomb Mayaczkgо selishha. In: Mayaczkgо gorodishe. M. (In Russian).
Голубева Л. А. Шумящие подвески с изображениями коня из катакомб Маяцкого селища. Маяцкое городище. М.
- Kazakov E. P. 1992: Kul'tura rannej Volzhskoj Bolgarii. M. (In Russian).
Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.
- Komar A. V. 1999: Predsaltovskie i rannesaltovskij gorizonty` Vostochnoj Evropy` (voprosy` khronologii). Vita antiqua. 2, 111–136. (In Russian).
Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). Vita Antiqua. 2, 111–136.
- Krylasova N. B. 2001: Istoriya prikamskogo kostyuma. Kostyum srednevekovogo naseleniya permskogo Predural'ya. Perm`. (In Russian).
Крыласова Н. Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения пермского Предуралья. Пермь.
- Krylasova N. B. 2007: Arkheologiya povsednevnosti. Material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya. Perm`. (In Russian).
Крыласова Н. Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь.
- Krylasova N. B., Podosyonova Yu. A. 2018: Flakonovidny`e pronizki na territorii Permskogo Predural'ya v e`pokhu srednevekov'ya. Vestnik Permskogo nauchnogo szentra [Bulletin of the Perm Scientific Center]. 2, 49–60. (In Russian).
Крыласова Н. Б., Подосёнова Ю. А. Флаконовидные пронизки на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Вестник Пермского научного центра. 2, 49–60.

- Mikheev V. K. 1982: Kon`kovy`e podveski iz mogil`nika Sukhaya Gomoľsha. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. 2, 156–167. (In Russian).
 Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша. *СА*. 2, 156–167.
- Rudenko K. A. 2007: Ob atribuczii nekotory`kh bronzovy`kh ukrashenij iz Bilyarskogo gorodishha. *Finno-Ugrica* 10, 112–124. (In Russian).
 Руденко К. А. Об атрибуции некоторых бронзовых украшений из Билярского городища. *Finno-Ugrica* 10, 112–124.
- Spiczyn A. A. 1902: Drevnosti kamskoj chudi po kollekczii teplouxovy`kh. *Materialy` po arkheologii Rossii* [Materials on archeology of Russia]. 26. Sankt-Peterburg. (In Russian).
- Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. *МАР*. 26. Санкт-Петербург.
- Khoruzhaya M. V. 2009: «Rogaty`e» pryazhki v znakovoj sisteme saltovskogo nasele-niya bassejna Severskogo Doncza. *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho univer-sytetu im. V. N. Karazina* 852. Istoriii. Vyp. 41. [Bulletin of V. N. Karazin Kharkiv National University. 852. History.] Kharkiv, 28–42. (In Russian).
 Хоружая М. В. «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца. *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна* 852. Історія. Вип. 41. Харків, 28–42.

Резюме

Аксёнов В. С. *Пронизки рідкісних видів із поховань ранньосередньовічних алан Харківщини*

Робота вводить у науковий обіг бронзові пронизки, виявлені в катакомбах № 5 Старо-Салтівського та № 145, 153 четвертої ділянки Верхньо-Салтівського некрополів. У катакомбі № 5 Старо-Салтівського та № 145 Верхньо-Салтівського некрополів знайдені тиснені пластини, що є, на нашу думку, складовими флаконоподібних пронизок. За своєю формою і технікою виготовлення вони близькі до так званих флаконодібних пронизків типу 3 з пам'ятників Пермського Предуралья, які датуються першою половиною X ст. Салтівські ж комплекси з флаконоподібними пронизками відносяться до кінця VIII — початку IX ст. (Катакомба № 5) і першої половини IX ст. (Катакомба № 145). Виявлені в Салтівських катакомбах басейну Сіверського Дінця тиснені пронизки флаконопоподібного типу датуються тим же часом (друга половина VIII — середина IX ст.), що і подібні пронизки ломоватівської культури з території Верхнього Прикам'я, найбільш рання форма яких (VII—VIII ст.) була запозичена у носіїв неволінської культури. Таким чином, ці вироби з Салтівських катакомб повторюють форму фінно-угорських флаконовідних пронизок. І якщо у населення Прикам'я і Предуралья флаконоподібні пронизки використовувалися в якості гольників, то в Салтівських пам'ятках вони, ймовірно, грали роль своєрідного магічного предмета-оберега, будучи закінченнями шкір'яних шнурків, прикріплених до «рогатих» пряжок. Це підтверджує місце їх виявлення на кістяку похованої жінки з катакомби № 5 Старо-Салтівського могильника.

У катакомбі № 153 Верхньо-Салтівського могильника була виявлена бронзова пронизка, яка має форму прорізного циліндра з плавним розширенням в середній частині. Тіло пронизки складається з трьох вертикально розташованих смужок-кісок, простір між якими заповнено з'єднаними попарно у вигляді вісімки краплеподібними фігурами, зверненими звуженими кінцями до кінців виробу. За розмірами і формою цей виріб віддалено нагадує пронизки з одним здуттям з неволінських старожитностей VIII — початку IX ст. (тип 5, підтип а, варіанти 2, 3, 4). За матеріалами, виявленими в катакомбі № 153, ця пронизка датується кінцем VIII — першою чвертю IX ст. У носіїв неволінської, ломоватівської, помоської, бахмутинської, турбаслинської культури подібні пронизки зі здуттям прикрашали шнури, що звисають із поясного

ременя. В аланського населення Верхнього Салтова ця пронизка, ймовірно, входила до складу намиста дівчинки-підлітка.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, катакомба, пронизка, фінно-угорські старожитності, алани.

Summary

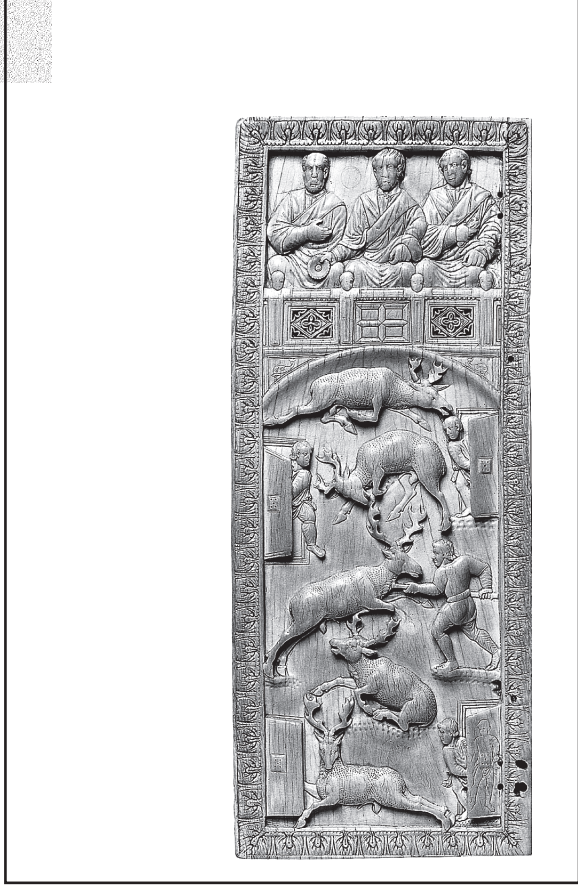
V. Aksyonov. *Threadings of rare species from the burials of the early medieval Alans of Kharkov Region*

The work leads into scientific circulation bronze penetrations found in the catacombs No. 5 of Staro-Saltovsky and No. 145, 153 of the fourth section of the Verkhne-Saltovsky necropolis. Embossed plates were found in the catacomb No. 5 of Staro-Saltovsky and No. 145 of the Verkhne-Saltovsky necropolis, which, in our opinion, are components of bottle-shaped piercings. In their form and manufacturing technique, they are close to the so-called flacon-like penetrations of type 3 from the monuments of the Perm Urals, which date from the first half of the 10th century. Saltovka complexes with bottle-like penetrations belong to the end of the VIII — beginning of the IX centuries. (catacomb number 5) and the first half of the IX century. (catacomb number 145). Embossed bottle-shaped embosses found in the Saltov catacombs of the Seversky Donets Basin date back to the same time (second half of the 8th — mid-9th centuries) as similar cross-sections of the Lomovat culture from the territory of the Upper Prikamye, the earliest form of which (7th — 8th centuries) was borrowed carriers of non-Volyn culture. Thus, these products from the Saltov catacombs repeat the shape of the Finno-Ugric bottle-shaped piercing. And if the population of Prikamye and Cisurals used bottle-shaped piercings as needle needles, then in the Saltov monuments they probably played the role of a kind of magical amulet, being the ends of leather laces attached to “horned” buckles. This confirms the place of their discovery on the backbone of a buried woman from the catacomb No. 5 of the Starosaltovsky burial ground.

In the catacomb No. 153 of the Verkhne-Saltovsky burial ground, a bronze piercing was discovered, which has the shape of a slotted cylinder with a smooth expansion in the middle part. the body of the piercing consists of three vertically arranged strips of braids, the space between which is filled with teardrop-shaped figures joined in pairs in the form of eight, facing the tapering ends to the ends of the product. In size and shape, this product is vaguely reminiscent of piercing with one swelling from the Nevolin antiquities of the 8th — early 9th centuries. (type 5, subtype a, options 2, 3, 4). According to materials discovered in catacomb No. 153, this piercing dates from the end of VIII — the first quarter of the IX century. For carriers of Nevolinskaya, Lomovatovskaya, Polomsky, Bakhmutinsky, and Turbaslyn cultures, similar bulging penetrations were decorated with cords hang ing from the waist belt. In the Alanian population of Verkhnyaya Saltov, this thread was probably part of the necklace of a teenage girl.

Key words: Saltov-Mayak culture, catacomb, threading, Fin-Ugric antiquities, Alans.

Научная хроника
Наукова хроніка
Scientific chronicle

УДК(UDC) 930:005.745*3(477.54-25)"2019"

DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-05

«LAUREA III. Античний світ і Середні віки». Наукові читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадєєва

*Сергій Д'ячков, Андрій Домановський,
Вікторія Котенко, Альона Походнякова*

У червні 2019 року в Харківському національному університеті імені В. Н. Каразіна відбулися традиційні Наукові читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадєєва «LAUREA». Фахівці з України, Росії, Болгарії та Польщі, серед яких було багато учнів і колег В. І. Кадєєва, присвятили свої доповіді дослідженням історії та археології античної, візантійської та середньовічної епох.

На секції «Проблеми стародавньої та середньовічної археології» прозвучали доповіді, тематично близькі науковим інтересам В. І. Кадєєва. Частина з них була присвячена вивченню археологічних пам'яток Північного Причорномор'я: від еллінізму до генуезьких колоній. Особливу групу склали доповіді про вивчення Салтівської культури.

Секція «Історія античної держави і суспільства» зібрала фахівців, що вивчають різноманітні проблеми політичної і релігійної історії Стародавньої Греції класичної та елліністичної епох. Значну увагу було приділено вивченню актуальних проблем історії Риму і провінцій Римської імперії.

Засідання секції «Історія Середніх віків і Візантії» були присвячені розвитку візантійської держави і суспільства переважно в причорноморських володіннях імперії. Відрадно відзначити, що серед українських дослідників виріс інтерес до проблем західноєвропейського середньовіччя.

Об авторе: Дьячков Сергей Владимирович; кандидат исторических наук, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, доцент кафедры древнего мира и средних веков; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина.
e-mail: dyachkovst@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7884-2572>

Про автора: Д'ячков Сергій Володимирович; кандидат історичних наук, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, доцент кафедри стародавнього світу та середніх віків; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна.
e-mail: dyachkovst@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7884-2572>

About the author: Dyachkov Sergey; PhD (History), Associate Professor; V. N. Karazin National University, School of History, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History; V. N. Karazin National University, School of History, Ukraine, Kharkiv, Sq. Svobody 4, 61022
e-mail: dyachkovst@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7884-2572>

*LAUREA III. Античний світ і Середні століття: Читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадєєва. – Харків: НТМТ – 164 с.

© С. В. Д'ячков, А. М. Домановський, В. В. Котенко, А. С. Походнякова, 2019

До початку конференції було видано збірник доповідей учасників форуму: LAUREA III. Античний світ і Середні століття: Читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадеєва. – Харків: НТМТ, 2019. – 164 с.

Ключові слова: читання, В.І. Кадеєв, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, ХІАО.

У червні 2019 року у Харківському національному університеті імені В. Н. Каразіна відбулися традиційні наукові читання «LAUREA» пам'яті професора Володимира Івановича Кадеєва. До участі в конференції подали заявки фахівці з України, Болгарії, Польщі та Росії, серед яких було багато учнів і колег В. І. Кадеєва. Свої дослідження вони присвятили актуальним питанням історії та археології античної цивілізації, Візантії та Середньовіччя. Проблематика багатьох доповідей була наближена до кола наукових інтересів проф. В. І. Кадеєва.

До початку конференції було видано програму, а також збірник доповідей учасників наукового форуму.*

Пленарне засідання конференції відкрила спільна доповідь **Б. М. Боднарюка, І. Г. Сандуляка (Чернівці) «Траянова Дакія та Нижня Мезія на зламі епох: від едикту Авреліана до початку Великого переселення народів (271 – 375 рр.)»**. У своєму виступі Б. М. Боднарюк запропонував учасникам конференції розгорнутий і глибокий аналіз процесів генези молдо-валахів на стадії трансформації фрако-гето-дакійського субстрату шляхом дако-римського синтезу. У доповіді **С. Д. Литовченка (Харків) «Создание римской провинции Сирия: внешнеполитический аспект»** було розглянуто особливості зовнішньої політики Риму на Близькому Сході, початок чистого «імперіалізму» та будівництво Імперії. Заключний виступ пленарного засідання було присвячено цікавому фрагменту історії медієвістичних штудій в Харківському університеті.

У виступі **С. І. Лимана (Харків) «История Франкского государства в курсе лекций профессора Харьковского университета М. М. Лунина»** наголошувалося, що проф. М. М. Лунін був знаним фахівцем з історії стародавнього світу, але його лекції з історії Середньовіччя відзначалися глибиною, яскравістю викладення і користувалися великим успіхом у студентів.

Засідання секції **«Проблеми давньої та середньовічної археології»** пройшло плідно й конструктивно. За відведений час було заслухано всі доповіді, заявлені в програмі

Об авторе: **Домановский Андрей Николаевич**; кандидат исторических наук, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, доцент кафедры древнего мира и средних веков; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина. e-mail: andriy.domanovsky@karazin.ua; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8434-3374>

Про автора: **Домановський Андрій Миколайович**; кандидат історичних наук, доцент; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, кафедра стародавнього світу та середніх віків; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна. e-mail: andriy.domanovsky@karazin.ua; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8434-3374>

About the author: **Domanovskiy Andrii**; PhD (History), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; V. N. Karazin National University, School of History, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History; V. N. Karazin National University, School of History, Ukraine, Kharkiv, Sq. Svobody 4, 61022 e-mail: andriy.domanovsky@karazin.ua; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8434-3374>

конференції. Не обмежені стислим регламентом доповідачі мали змогу повною мірою розкрити слухачам тему свого дослідження, дати комплексну аргументовану відповідь на питання колег та подискутувати на гострі питання античної та середньовічної історії. Виступи учасників відбулися за хронологічним принципом, що дозволило доречно організувати їх обговорення.

Доповідь **В. В. Котенко (Опішня)** «До питання про художнє оформлення столового посуду в Херсонесі Таврійському в елліністичний час» була присвячена херсонеському місцевому гончарному виробництву в IV–II ст. до н.е. Під час виступу дослідниця акцентувала увагу на специфічних рисах орнаментальної традиції Херсонеса, яка постала яскравим індикатором його продукції за межами поліса. Встановлено зв'язок такого стилю вазипису з Середземномор'ям та зроблено припущення про можливе відродження архаїчних мотивів в елліністичний час. Ілюстративний ряд дав можливість продемонструвати наочно яскраві зразки столового посуду херсонеського виробництва та провести аналогії з відомими центрами Північно-Західного Причорномор'я. В ході обговорення Т. М. Шевченко припустила зв'язок популярного зображення завитків винограду з діонісійським культом у Херсонесі, а С. В. Д'ячков на основі власних спостережень підтвердив масовість фрагментів розписної кераміки в елліністичних шарах цього поліса.

Роботу секції продовжив виступ **Т. М. Шевченко (Київ)** «Гібридні теракоти: нетипові погруддя-фіміатерії в Ольвії». Дослідниця детально розглянула глиняні погрудні жіночі зображення з чашами, встановленими на голову: технологію їх виготовлення, функціональне призначення, морфологічні особливості, враховуючи такі нюанси, як тип зачіски, прикрас тощо. Крім того, Т. М. Шевченко подала контекст знахідок та їх атрибуцію в історіографічній площині, доповнивши комплексну доповідь цікавим фактажем. В якості висновків дослідниця зробила припущення, що в елліністичний час в Ольвії існувала відчутна потреба у ритуальній пластиці такого типу, серед якої переважало зображення богині Афродіти. В ході жвавого обговорення у слухачів виникали питання стосовно практичного використання чаш-фіміатеріїв та кількісного співвідношення чоловічих і жіночих образів в античній коропластиці.

Наступний блок питань був присвячений середньовічній археології. **В. С. Аксенов (Харків)** доповів про «Новые данные о византийско-крымском влиянии на салтовское население бассейна Северского Донца» та запропонував інтерпретацію знахідок з поховань Верхньо-Салтівського IV могильника, зокрема клейма у вигляді «лапчастого» хреста на денці глека. Дослідник з більшою вірогідністю припустив випадковий характер такого зображення, аніж проникнення християнства в середовище Хозарського каганату на даній території. Обговорення виступу, в якому активно взяв участь В. В. Колода, стосувалося специфіки даного регіону та елементів суб'єктивності в інтерпретації даних.

Об авторе: **Котенко Виктория Владимировна**; кандидат исторических наук, Национальный музей-заповедник украинского гончарства, ведущий научный сотрудник; Полтава, ул. В. Козака, 18а – 25, 36003.

e-mail: kotenvikt@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9172-1062>

Про автора: **Котенко Вікторія Володимирівна**; кандидат історичних наук, Національний музей-заповідник українського гончарства, провідний науковий співробітник; Полтава, вул. В. Козака, 18а – 25, 36003.

e-mail: kotenvikt@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9172-1062>

About the author: **Kotenko Viktoriia**; PhD (Archaeology), Classical Archaeology, History of Ancient poleis of Black Sea region, studies of ancient ceramics; Poltava, 18a-25 V. Kozaka st., 36003. e-mail: kotenvikt@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9172-1062>

Доповідь *В. В. Колоди (Харків) «Зерновая яма со следами культовой деятельности на городище Мохнач»* стала презентацією яскравого комплексу знахідок з поселення салтівської культури на Сіверському Дінці. Особливу увагу автор звернув на контекст скупчення металевих предметів у зерновій ямі, покладення яких могло носити ритуальний характер. У процесі дискусії слухачі обговорювали можливі обставини таких дій давнього населення Мохнача, а В. С. Аксьонов запропонував можливі аналогії орнаментам на деяких знахідках.

Заключною прозвучала доповідь керівника секції *С. В. Д'ячкова (Харків) «О портовом водохранилище крепости Чембало в XIV–XV вв.»*. Дослідник розглянув планіграфічні особливості генуезької фортеці в Балаклаві та описав конструктивні особливості башти №6. Даний об'єкт функціонував як водосховище і був стратегічно важливим елементом фортечних споруд. На думку автора, саме наявність чистої питної води визначала особливе місце Чембало в системі генуезьких колоній в Криму. Автор також звернув увагу на перспективність подальших досліджень фортеці Чембало та позначив об'єктивні перешкоди у їх продовженні. В процесі прикінцевої дискусії всі учасники засідання виявили інтерес до окремих елементів облаштування водосховища та долучилися до його інтерпретації. Також Т. М. Шевченко цікавилася наявністю античних нашарувань на пам'ятці, що тематично розширило дане обговорення.

Засідання секції було завершено підсумковою доповіддю керівника, а роботу в цілому було визнано задовільною. Учасники конференції отримали змогу висловити свої враження від наукового спілкування, після чого долучилися до колег на заключному пленарному засіданні конференції.

Роботою секції *«Історія античної держави і суспільства»* керував учень професора В. І. Кадеєва, доктор історичних наук, професор кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ХНУ І. П. Сергєєв. На засіданні секції було заслухано сім доповідей, обговорено широке коло проблем, пов'язаних з історією та культурою древніх народів.

Роботу секції відкрила доповідь *В. Л. Гуменного (Львів) «Парфянські кампанії доби Северів та офіційна пропаганда Римської імперії наприкінці II – на початку III ст. н. е.»*, у якій автор зазначив, що римська пропаганда була потужним інструментом ідеологічного впливу. Вона включала в себе ряд компонентів, таких як проголошення імператором після воєнних компаній, відображення відповідних сюжетів на римських монетах чи використання монументальної пропаганди. Автор вважає, що мають перспективу подальші дослідження відображення римської зовнішньої політики доби Ранньої імперії за допомогою пропаганди потестарної імагології, зокрема формування образу правителя. Під час обговорення доповіді відкритим залишилося питання, чи була то пропаганда або форма саморепрезентації.

Об авторе: Походнякова Алёна Сергеевна; аспирант кафедри истории древнего мира и средних веков, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина.

e-mail: alyona.pokhodnyakova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-2983>

Про автора: Походнякова Альона Сергіївна; аспірант кафедри стародавнього світу та середніх віків, історичний факультет, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна.

e-mail: alyona.pokhodnyakova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-2983>

About the author: Pokhodniakova Aliona; Post-graduate Student of Department of the Ancient and Medieval History of Faculty of History V. N. Karazin National University; V. N. Karazin National University, School of History, Ukraine, Kharkiv, Sq. Svobody 4, 61022

e-mail: alyona.pokhodnyakova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-2983>

К. Ю. Нефедов (Харків) присвятив свою доповідь «**О возникновении культа Александра Македонского в греческих городах**» дослідженню питань про причини та час його виникнення. Автор дійшов висновку, що традиційну точку зору про широке розповсюдження культу Александра Великого вже під час його життя не можна визнати дійсною. Епіграфічні джерела, що дійшли до нас, дають змогу впевнено стверджувати лише те, що македонський завойовник став об'єктом більш-менш широкого культового шанування в грецьких містах тільки через два десятиліття після смерті, й причиною тому були не стільки його власні заслуги, скільки прагнення діадохів обґрунтувати свої владні домагання та політичні амбіції.

О. А. Ручинська (Харків) у доповіді «**Особенности эвергетики в Северном Причерноморье (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)**» на прикладі ольвійського поліса проаналізувала головні тенденції благодійної діяльності полісної еліти. Матеріали ольвійського поліса дозволили виявити витоки благодійності, пов'язаної з діяльністю аристократичних релігійних спілок. Тривалий період єдиною формою прославлення благодійників були проксенії, які надавалися іноземцям за їх фінансову допомогу полісу. З IV ст. до н.е. поширилася практика почесних декретів на честь місцевих громадян, проте титул «Евергет» в цей період не надавався. Авторка підкреслила, що з III в. до н.е. в Ольвії спостерігається зміцнення інституту евергетії. У перші століття н.е. виконання окремих літургій стало обов'язком державних магістратів, посади яких обіймали багаті й знатні громадяни, що прагнули зміцнити свій вплив в умовах римського панування в Північному Причорномор'ї.

Доповідь **І. П. Сергеева (Харків)** «**Об обязанностях римского quaestor urbanus в эпоху Республики**» була присвячена проблемі державних установ римлян, а саме – магістратурі. Автор стверджує, що посада міського квестора не була синекурою, і на цю посаду обиралися досить молоді люди, які мали відповідний ентузіазм і добрий стан здоров'я. Крім того, в літературі часто відзначається, що посада едила, пов'язана з витрачанням особистих коштів на проведення ігор і видовищ для міського плебсу, була приваблива для тих, хто претендував на високі виборні посади. На думку автора доповіді, посада міського квестора в цьому плані не поступалася едилітету, більш того, перевершувала його.

Я. І. Тарасюк (Дрогобич) у доповіді «**Германська війна Александра Севера**» зазначив, що Александру Северу не вистачало жорсткості та наполегливості для управління державою, а це, багато у чому, вплигло на хід та результати воєнних кампаній. Автор підкреслив, що германська війна була відповіддю на вторгнення варварських племен на землі Римської імперії. Імператор змусив племена алеманів відступити, що можна відзначити як помітний успіх Александра Севера. Однак спроба скласти угоду з алеманами, на тих же умовах, як і попередній договір з Каракаллою, не задовольнила багатьох легіонерів, що призвело до заворушення та вбивства правителя бунтівними військами. Під час обговорення доповіді присутні зауважили, що дослідженню не вистачає новизни.

У доповіді **А. М. Токарева (Харків)** «**К вопросу о награждении М. Кальпурния Фламы осадным венком**» мова йшла про облоговий вінок, який вручався тільки у виняткових випадках, як це згадується у праці Плінія Старшого. Згідно з його повідомленням, таким вінком був нагороджений військовий трибун М. Кальпурний Фламма. На підставі аналізу джерел автор доповіді дійшов висновку, що в цілому немає необхідності відкидати свідчення Плінія Старшого, оскільки інформація була запозичена у Варрона, а його праці вважаються надійним джерелом. Однак той факт, що вже в II ст. до н. е. римляни точно не знали імені трибуна, викликає здивування. В цьому випадку можна припустити, що согона graminea в той час не грала таку вже значну роль або міфи про видатних римлян формувалися виключно в рамках родових переказів знатних родів, а про діяльність вихідців з пересічних сімей вже через покоління залишалися лише невиразні спогади.

А. Л. Янко (Полтава) присвятив свою доповідь «*Tabula Cortonensis – уявний ключ до етрусської мови*» проблемі інтерпретації етрусської мови, яка полягає в тому, що стислість багатьох етрусських текстів, з одного боку, дозволяє їх швидко дешифрувати, а з іншого, – бідність їх лексичного матеріалу призводить до неможливості накопичити «банк» зрозумілих етрусських слів. Проаналізувавши «Таблицю з Кортони», автор дійшов висновку, що вона не надала універсального «ключа» для етрусської мови, а її текст не дає жодних підстав стверджувати, що етрусська мова є індоєвропейською, тим більше, що вона генетично споріднена з мовою італіків.

У межах роботи секції «*Історія Середніх віків і Візантії*» було виголошено дев'ять доповідей. Шість з них стосувались історії та археології візантійського світу, ще три – історії західноєвропейського середньовіччя.

Відкрив засідання секції А. М. Домановський (Харків) з доповіддю «*"Справедлива ціна" у ранньосередньовічній Візантії: засади "чесної торгівлі" за уявленнями ромеїв*». Доповідач проаналізував юридичні джерела, які дозволяють з'ясувати зміст поняття «справедливої ціни» за уявленнями візантійців, дійшовши висновку про те, що головною первинною ознакою встановлення «чесної» вартості була згода покупця купити, а продавця продати товар за певну суму. Кожна річ, за уявленнями візантійців, вартувала стільки, скільки за неї готові були заплатити і за скільки її готові були продати. Разом з тим законодавство додатково захищало інтереси сторін, дозволяючи скасувати торговельну оборудку за умови, якщо за товар було сплачено менше половини його реальної вартості. Для визначення цієї ціни товару існували два способи – звернення до компетентних фахівців, спроможних оцінити крам, або ж законодавчо зафіксований у «Книзі епарха» рівень належного прибутку продавця, який дозволяв визначити вартість, відштовхуючись від закупівельної ціни.

Доповідь М. М. Ситиці (Белгород) «*Иоанн Лид и личная жизнь ранневизантийского чиновника*» стосувалась походження та приватного світу константинопольського посадовця першої половини VI ст., відомого завдяки трактатам «Про магістратів», «Про місяці» та «Про знамення». Авторка зупинилась на питаннях соціального статусу батьків Іоанна Ліда, його виховання та освіти, наголосивши на високому рівні здобутих ним знань та захопленні, попри сповідування християнства, римською язичницькою старовиною. Розглянувши біографію чиновника, доповідачка визначила його прагнення зосередитись на науковій діяльності та викладанні, які, на відміну від зіпсованої кар'єри, змогли принести йому славу та статки. Посадовець приділяв чимало уваги не лише давнім літературним пам'яткам, але й архітектурі та скульптурі Константинополя. Захоплення давньоримською старовиною визначило консервативність поглядів Іоанна Ліда, який вбачав у звичках сучасного йому візантійського суспільства ознаки занепаду і розтління, пояснюючи ці негативні тенденції відмовою від славних традицій римського минулого. Разом з тим висловлювана ним критика стосувалась переважно приватного життя, тоді як у політичній сфері він був радше конформістом, послідовно дотримуючись показної лояльності.

Чотири з виголошених на секції візантинознавчих доповідей стосувалися новітніх досліджень та інтерпретацій археологічних пам'яток. О. С. Яшина (Київ) свою доповідь «*Торговельні контакти населення Мангуп-Кале в V ст. (за матеріалами тарної кераміки)*» присвятила комплексному аналізу результатів статистичної обробки численних знахідок амфор з археологічних контекстів кінця IV–V ст. Дослідниця дійшла висновків про торговельні зв'язки мешканців городища Мангуп з Боспором, а також з центрами Малої Азії, Сирії, Кавказу та островами Егейського архіпелагу та Середземного моря. Основними товарами, імпортованими у амфорній тарі, були оливкова олія та вино, з Колхіди могли також надходити нафта і дьоготь. Головним посередником у торгівлі Мангупа із зазначеними регіонами виступав Херсонес, до сфери економічних та військово-політичних інтересів якого належала найближча варварська периферія.

Археології візантійської Таврики було присвячено також виступ *С. Б. Сорочана (Харків) «К датировке и интерпретации комплекса Уваровской базилики в византийском Херсоне»*. Науковець зосередився на тезовому викладі заперечень до спірних і хибних тверджень статті *Л. Г. Хрушковой «Епископальная базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд»*, виданої у 2016 р. на шпальтах «Владимирского сборника». Зокрема дослідник обґрунтовано заперечив датування спорудження Уварівської базилики V ст., на підставі нумізматичних, мистецтвознавчих та архітектурних даних пам'ятки наполягаючи на тому, що її було збудовано не раніше кінця VI ст. – початку VII ст. Також *С. Б. Сорочан* заперечив тезу про те, що прилегле до нартекса базилики з півночі приміщення (№ 23) слід інтерпретувати як дяконник. На його думку, то міг бути меморій або ж скевофілакій, які не потребували безпосереднього зв'язку з вітарем, оминаючи північний неф. Важливим аспектом доповіді стало також пояснення призначення отвору у склепінні крипти, облаштованої під мартирієм зі східного боку південної «галереї» базилики. Дослідник пов'язав його з ранньовізантійською традицією агап, колективних молитовних трапез любові, після яких рештки їжі могли скидатися через отвір до поховальної камери.

Дві доповіді колег з Польщі було присвячено розкопкам та інтерпретації візантійської пам'ятки на березі озера Кючюкчекмедже у Туреччині, розкопки якої здійснювалися спільною польсько-турецькою експедицією впродовж 2014–2016 рр. і не були завершені через адміністративні чинники. *Е. Качинська (Вроцлав)* виголосила повідомлення «**Мартиріон (?) з візантійського архітектурного комплексу на березі озера Кючюкчекмедже. Спроба інтерпретації в світлі сучасного стану досліджень**», в якому здійснила опис та стилістичний аналіз однієї зі споруд комплексу, інтерпретованої як мартирій. Будівля центрального архітектурного типу була круглою або октогональною в плані, мала мозаїчну підлогу у техніці opus sectile, яка збереглась фрагментарно. Архітектурні та мистецькі особливості споруди дозволяють датувати її часом від VI до VIII–IX ст. Визначення досліджуваної пам'ятки як мартиріону обумовлене загальним контекстом архітектурного комплексу, до якого вона належала. Зокрема на користь пропонованої інтерпретації свідчить той факт, що до будівлі примикала мурована гробниця – центральний елемент комплексу поховань ad sanctos. Свідчення джерел не дозволили визначити, кому зі святих присвячено мартиріон, і висунуте припущення про його зв'язок із особою одного з відомих джерел св. Теодорів ні довести, ані спростувати наразі неможливо.

Наступну доповідь *К. К. Шиманського (Вроцлав) «St. Theodore's cult centers in Constantinople's Hinterland. Old conceptions and new discoveries»* присвячено спробі з'ясувати локалізацію кількох (трьох чи навіть чотирьох) культових центрів св. Теодора у найближчих околицях Константинополя. Здійснивши ретельний аналіз письмових джерел, в яких згадано про місця вшанування святого, науковець дійшов висновку про можливість визначити приблизну локалізацію щонайменше трьох місць розташування культових центрів св. Теодора – у Ресіоні (безпосередньо поряд із стінами Феодосія поблизу Ресійських міських воріт), у Вафиріаку (можливо, на півострові Фірюзкой поблизу озера Кючюкчекмедже, однак для цього потрібно більше джерельних свідчень) та поблизу Регіона (приблизно за 20 км від Константинополя).

С. А. Каріков (Харків) у виступі «**Саксонские евангелические уставы 20–40-х гг. XVI в. как основа конфессиональных преобразований**» зосередився на аналізі значення евангелічних церковних статутів у справі поширення лютеранства у курфюршестві Саксонському. Перші з цих статутів («Про порядок богослужіння в общині» (1523 р.), «Формула меси» (1523 р.), «Порядок німецької меси» (1526 р.)) було створено вже самим Мартіном Лютером, який заклад основні підвалини утвердження евангелічного культу, що кардинально відрізнявся від католицького. Наступний етап укладання евангелічних статутів Саксонії розпочався з кінця 1520-х рр., після остаточного утвердження «Формули меси» М. Лютера і підготовки Ф. Меланхтоном «Настанови

візитаторів пасторам курфюршества Саксонського» (1528 р.). Від 1530-х рр. важливою складовою статутів стали питання візитацій євангелічних приходів, здійснювані за участі представників світської влади. На думку доповідача, важливою ознакою статутів стало прагнення органів місцевої територіальної влади (князів та магістратів) розширити власні повноваження. Водночас утвердження представниками влади євангелічних статутів легітимізувало реформаційний рух, отже, взаємодія реформованої Церкви та світської влади виявлялась взаємовигідною.

Наступну доповідь з історії західноєвропейського Середньовіччя виголосила **Т. В. Мосякіна (Київ)**, дослідивши «Образ Церкви у творчості Гільдегарди Бінгенської», яка була абатисою бенедиктинського монастиря Рупертсберг. На підставі ґрунтовного аналізу творів монахині – трьох збірок з описами видінь і роздумів щодо них («Scivias», «Liber vitae meritorum», «Liber divinatorum orerum»), а також чотирьох присвячених Церкві антифонів («O virgo Ecclesia», «Nunc gaudeant», «O orzchis Ecclesia», «O choruscans lux stellarum») – авторка дійшла висновків про те, що Гільдегарда усвідомлювала і, відповідно, зображувала Церкву як провідний соціальний інститут, спадкоємицю апостольського вчення і шлях до істини та Спасіння. Важливим складником доповіді стало трактування вжитих письменницею образів і земних порівнянь Церкви, які дозволяють розкрити внутрішній світ Гільдегарди (1098–1179 рр.), коло доступних їй і зрозумілих потенційному читачеві метафор.

Основну увагу у доповіді **В. Г. Ціватого (Київ)** «Европейская дипломатия в ментальном восприятии английского общества эпохи Средневековья» було зосереджено на реакції представників інтелектуальної еліти англійського суспільства межі Пізнього Середньовіччя та Ранньомодерної доби (Джона Колета, Томаса Мора, Еразма Роттердамського та ін.) на європейську зовнішню політику, зокрема на антифранцузькі походи Генріха VIII. В цей час, на думку науковця, засадничими концептами англійської гуманістичної думки стали поняття «війна» та «мир», причому останній видається прийнятнішим і бажанішим, позаяк дозволяє вдосконалювати окремих осіб та суспільство в цілому, впливати на позицію ворогів і досягати бажаних результатів і замирення ненасильницьким шляхом. Більше того, в очах англійських мислителів досягнута ненасильницьким шляхом перемога була більш ефективною, оскільки мала довготривалий характер, тоді як насильство було спроможне, на їхню думку, забезпечити лише короткотерміновий результат.

Після секційних засідань для учасників конференції відбулися наукові екскурсії до Музею археології та Музею історії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, де відбувся жвавий обмін думками з приводу перспектив та напрямків подальшого розвитку наукових досліджень античного світу та Середньовіччя.

Резюме

Дьячков С. В., Домановский А. М., Котенко В. В., Походнякова А. С. «LAUREA III.

Древний мир и Средние века». Научные чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева

В июне 2019 года в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина состоялись традиционные Научные чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева «LAUREA». Специалисты из Украины, России, Болгарии и Польши, среди которых было много учеников и коллег В. И. Кадеева, посвятили свои доклады исследованиям истории и археологии античной, византийской и средневековой эпох.

На секции «Проблемы древней и средневековой археологии» прозвучали доклады, тематически близкие научным интересам В. И. Кадеева. Часть из них была посвящена изучению археологических памятников Северного Причерноморья: от эллинизма до генуэзских колоний. Особую группу составили доклады об изучении салтово-маяцкой культуры.

Секция «История античного государства и общества» собрала специалистов, изучающих разнообразные проблемы политической и религиозной истории Древней Греции классической и эллинистической эпох. Значительное внимание было уделено изучению актуальных проблем истории Рима и провинций Римской империи.

Заседания секции «История Средних веков и Византии» были посвящены развитию византийского государства и общества преимущественно в причерноморских владениях империи. Отрадно отметить, что среди украинских исследователей вырос интерес к проблемам западноевропейского средневековья.

К началу конференции был издан сборник докладов участников форума: LAUREA III. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. – Харьков: НТМТ, 2019. – 164 с.

Ключевые слова: чтения, В. И. Кадеев, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, исторический факультет, ХИАО.

Summary

Dyachkov S., Domanovskiy A., Kotenko V., Pokhodniakova A. «LAUREA III. The Ancient World and the Middle Ages». *Scientific readings in memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev*

In June 2019, at the V.N.Karazin Kharkiv National University, traditional Scientific Readings in memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev “LAUREA” took place. Specialists from Ukraine, Russia, Bulgaria and Poland, among whom there were many students and colleagues of V.I. Kadeev, devoted their reports to the studies of the history and archeology of the ancient, Byzantine and medieval eras.

At the section “Problems of Ancient and Medieval Archaeologists”, reports were made thematically close to the scientific interests of V. I. Kadeev. Some of them were devoted to the study of archaeological sites of the Northern Black Sea region: from Hellenism to Genoese colonies. A special group consisted of reports on the study of the Saltovo-Mayak culture.

The section “History of the Ancient State and Society” gathered experts studying various problems of the political and religious history of Ancient Greece of the classical and Hellenistic eras. Considerable attention was paid to the study of urgent problems in the history of Rome and the provinces of the Roman Empire.

The sessions of the “History of the Middle Ages and Byzantium” section were devoted to the development of the Byzantine state and society mainly in the Black Sea possessions of the empire. It is gratifying to note that among Ukrainian researchers, interest in the problems of the Western European Middle Ages has grown.

By the beginning of the conference, a collection of reports of the forum participants was published: LAUREA III. The Ancient World and the Middle Ages: Readings in memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev.– Kharkov : NTMT, 2019. – 164 p.

Key words: readings, V. I. Kadeev, V. N. Karazin Kharkiv National University, school of history, KhIAO.

Memoria

УДК(UDC) 930-051:929Мартемьянов
DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-06

Памяти товарища. Алексей Павлович Мартемьянов (1956–2019)

Сергей Дьячков

4 мая 2019 года ушел из жизни известный отечественный историк-антиковед, преподаватель и педагог Алексей Павлович Мартемьянов, жизнь и научно-педагогическое творчество которого неразрывно связаны с Харьковским национальным университетом имени В. Н. Каразина. Известность и признание в научных кругах, любовь и уважение студентов и коллег пришли к Алексею Павловичу в годы работы на кафедре истории древнего мира и средних веков (1992–2019). Кандидат исторических наук, доцент А. П. Мартемьянов оставил глубокий след и серьезное научное наследие в изучении истории балканских провинций Римской империи. А. П. Мартемьянов – автор более 90 научных, научно-популярных и учебно-методических трудов, опубликованных в уважаемых изданиях Украины, России, Болгарии, Польши. Его блистательные лекции по курсам «История Древней Греции и Рима», «Культурное наследие античности в истории последующих исторических эпох», «Культура Древнего мира» и многие другие навсегда останутся в сердцах и памяти его многочисленных учеников. Сообщество преподавателей и студентов Харьковского национального университета, научная общественность Украины понесли серьезную и трудновосполнимую утрату.

Ключевые слова: А. П. Мартемьянов, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет.

Об авторе: Дьячков Сергей Владимирович; кандидат исторических наук, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, доцент кафедры древнего мира и средних веков; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина.
e-mail: dyachkovst@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7884-2572>

Про автора: Дьячков Сергій Володимирович; кандидат історичних наук, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, доцент кафедри стародавнього світу та середніх віків; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна.
e-mail: dyachkovst@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7884-2572>

About the author: Dyachkov Sergey; PhD (History), Associate Professor; V. N. Karazin National University, School of History, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History; V. N. Karazin National University, School of History, Ukraine, Kharkiv, Sq. Svobody 4, 61022
e-mail: dyachkovst@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7884-2572>

© С. В. Дьячков, 2019

С. В. Дьячков. Памяти товарища...

ДРЕВНОСТИ, ДАВНИНА, ANTIQUITIES 2019, 17

55

Алексей Павлович Мартемьянов родился 8 апреля 1956 г. в семье университетских преподавателей.

Его родители – отец, Мартемьянов Павел Иванович, и мама, Чиркова Валерия Алексеевна, трудились на филологическом факультете Харьковского государственного университета имени А. И. Горького, где пользовались необычайным уважением и любовью коллег и студентов. Таким образом, с малых лет А. П. Мартемьянов рос в среде университетских интеллектуалов. Не удивительно, что на протяжении всей своей жизни Алексей Павлович блистал исключительной грамотностью, безупречным стилем письменных трудов, бесспорным ораторским талантом и необъятной эрудицией в гуманитарной сфере.

В 1973 г. А. П. Мартемьянов закончил среднюю школу № 45, которая и сегодня остается одним из лидеров среднего образования в Харькове. На исторический факультет Харьковского университета, который славился своими высокими конкурсами абитуриентов, Алексей Павлович поступил с первого раза.

В студенческие годы у А. П. Мартемьянова окончательно оформился интерес к античным древностям. Научным руководителем его студенческих учебных и научных изысканий стала доцент Валерия Александровна Латышева (1934–2002). Постепенно сотрудничество преподавателя и студента переросло в многолетнюю дружбу. До конца жизни А. П. Мартемьянов считал Валерию Александровну своим главным учителем, хранил теплые чувства признательности. Под ее руководством в 1978 г. он успешно защитил дипломную работу «Терракоты Западного Крыма, как исторический источник». Не случайно в своем дальнейшем научном творчестве А. П. Мартемьянов очень квалифицировано использовал, интерпретировал археологические артефакты, очень внимательно относился к вещественным источникам в целом. На протяжении многих лет А. П. Мартемьянов был активным, деятельным участником археологической экспедиции, которая под руководством В. А. Латышевой проводила раскопки античных памятников в Юго-Западном Крыму.

Казалось, что после окончания университета дальнейший жизненный путь А. П. Мартемьянова, связанный научно-преподавательской деятельностью в области антиковедения, был предопределен. Однако дорога на кафедру растянулась на долгие 15 лет. В 1978–1980 гг. он преподавал историю в СШ № 73. В 1980–1981 гг. руководил историко-археологическим кружком Дома пионеров Московского района. С 1981 по 1987 гг. работал старшим лаборантом на кафедре научного коммунизма Харьковского авиационного института. С 1987 г. перешел на работу в родной университет, где на кафедре истории СССР преподавал общие и специальные курсы по отечественной истории эпохи феодализма. В 1986–1990 гг. учился в заочной аспирантуре на кафедре истории древнего мира и средних веков Харьковского государственного университета имени А. М. Горького.

В 1990 г. А. П. Мартемьянов под руководством проф. В. И. Кадеева успешно защитил кандидатскую диссертацию «Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н.э.». Причем его первым оппонентом выступала одна из светил отечественного антиковедения Татьяна Васильевна Блаватская (1917–2007), с которой у них сложились доверительные и плодотворные с научной точки зрения отношения. Таким образом, в науку об античных древностях вошел вдумчивый и скрупулезный исследователь греко-римских древностей, постепенно сложился признанный специалист по истории Мёзии, Фракии и Римской империи в целом.

Конечно же, известность, признание в научных кругах, любовь и уважение студентов и коллег пришли к Алексею Павловичу в годы работы на кафедре истории древнего

мира и средних веков (1992–2019). Кандидат исторических наук, доцент А. П. Мартемьянов оставил глубокий след и серьезное научное наследие в изучении истории балканских провинций Римской империи. Среди основных направлений его научных интересов: римское общество эпохи принципата; положение ветеранов армии в Римской империи; история фракийских земель в первые века нашей эры; рецепция достижений древности в культуре следующих эпох. А. П. Мартемьянов – автор более 90 научных, научно-популярных и учебно-методических трудов, опубликованных в уважаемых изданиях Украины, России, Болгарии, Польши. Он неоднократно выступал с докладами на международных научных конференциях в нашей стране и далеко за ее пределами. А. П. Мартемьянов тесно сотрудничал с ведущими антиковедами стран Европы. Одним из проявлений такого сотрудничества стал организованный по его инициативе Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье» (Харьков, 7-8.04.2011). Этот научный форум собрал признанных специалистов ведущих научных центров из Болгарии, Германии, Польши, России, Украины. А. П. Мартемьянов выступил одним из инициаторов проведения научных чтений LAUREA памяти профессора В. И. Кадеева (2015, 2017). Фундаментальные, выверенные до буквы научные статьи, монография, а также школьный учебник по истории Древнего мира А. П. Мартемьянова стали бесценным фондом отечественного антиковедения, образцом научного творчества.

А. П. Мартемьянов вошел в историю исторического факультета как непревзойденный лектор. Как оратор он сформировался во время чтения многочисленных курсов студентам исторического факультета, классического отделения филологического факультета, историкам-музееведам и культурологам Харьковской государственной академии культуры и Соломонова университета. Его блистательные лекции по курсам «История Древней Греции и Рима», «Культурное наследие античности в истории последующих исторических эпох», «Культура Древнего мира» и многие другие навсегда останутся в сердцах и памяти его многочисленных учеников и благодарных слушателей. В последние годы А. П. Мартемьянов уделял большое внимание использованию на лекциях достижений современных учебных и электронных технологий. Меня же всегда поражал «бумажный вариант» лекций. Как правило, это были ветхие листики, изрядно потрепанные временем, часто вторичного использования, т.е. «оборотки». Текст, рисунки, схемы, выполненные, зачастую, простым карандашом, напоминали письменность майя, и прочитать их «не автору» было невозможно. Разумеется, лекции «читались» в отрыве от бумажного текста.

Алексей Павлович известен своим внимательным отношением к работе со студентами, которые писали у него курсовые и дипломные работы. Обычно встречи с научным руководителем продолжались часами. При этом общение было сугубо индивидуальным. Усевшись за парту, научный руководитель плечом к плечу со студентом детально разбирал и комментировал текст студенческого сочинения. Часто учебная консультация перерастала в научную дискуссию или увлекательную беседу.

Отдельную страницу в научно-преподавательской деятельности А. П. Мартемьянова составляет руководство археологической практикой студентов в составе нашей экспедиции в Херсонесе Таврическом. В это время у студентов возникала уникальная возможность неформального общения с интересным человеком, глубоким специалистом, настоящим профессионалом. Подчеркнем, что А. П. Мартемьянов создавал все возможности для реализации такого общения в «поле», в ходе экскурсий, совместных футбольных баталий и душевных вечерних посиделок.

А. П. Мартемьянов был инициатором создания и активным членом Харьковского историко-археологического общества (1995). Он являлся бессменным членом правления ХИАО и редакционной коллегии ежегодника «Древности». Все международные научные конференции ХИАО «Проблемы истории и археологии Украины» (1995–2018) проходили при его самом деятельном участии и в качестве организатора, а также участника научных дискуссий. Научные публикации А. П. Мартемьянова прибавляли «весу» любому изданию, поэтому его публикации в «Древностях» имеют для нас особое значение. Будучи членом

редколлегии, А. П. Мартемьянов относился к этому виду работы весьма ответственно и тщательно. После его рецензии публикацию можно было смело рекомендовать в печать. Бескорыстное служение А. П. Мартемьянова историко-археологическому обществу стало примером для подражания следующей генерации научной молодежи.

Природная порядочность, непоколебимая принципиальность экзаменатора, профессионализм ученого и педагога, человечность и душевность дорогого нашего товарища Алексея Павловича Мартемьянова навсегда останутся в наших сердцах.

А. П. Мартемьянов и Н. А. Алексеенко (Севастополь) на конференции Харьковского историко-археологического общества. Харьков, 2012 год

Резюме

Д'ячков С. В. Пам'яті товарища. Олексій Павлович Мартем'янов (1956–2019)

4 травня 2019 року пішов з життя відомий вітчизняний історик-антикознавець, викладач і педагог Олексій Павлович Мартем'янов, життя і науково-педагогічна творчість якого нерозривно пов'язані з Харківським національним університетом імені В. Н. Каразіна. Популярність і визнання в наукових колах, любов і повага студентів і колег прийшли до Олексія Павловича в роки роботи на кафедрі історії стародавнього світу та середніх віків (1992–2019). Кандидат історичних наук, доцент О. П. Мартем'янов залишив глибокий слід і серйозну наукову спадщину у вивченні історії балканських провінцій Римської імперії. О. П. Мартем'янов – автор понад 90 наукових, науково-популярних та навчально-методичних праць, опублікованих у поважних виданнях України, Росії, Болгарії, Польщі. Його блискучі лекції з курсів «Історія Стародавньої Греції та Риму», «Культурна спадщина античності в історії наступних історичних епох», «Культура Стародавнього світу» і багато інших назавжди залишаться в серцях і пам'яті його численних учнів. Спільнота викладачів і студентів Харківського національного університету, наукова громадськість України зазнали серйозну і важку втрату.

Ключові слова: О. П. Мартем'янов, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет.

Summary

Dyachkov S. *In memory of a friend. Alexey Pavlovich Martemyanov (1956–2019)*

On May 4, 2019, the famous Russian historian, teacher and teacher Aleksey Pavlovich Martemyanov, whose life and scientific and pedagogical work is inextricably linked with the V. N. Karazin Kharkiv National University, passed away. Fame and recognition in the scientific community, love and respect of students and colleagues came to Alexei Pavlovich during his years at the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages (1992–2019). PhD, Associate Professor A. P. Martemyanov left a deep mark and a serious scientific legacy in the study of the history of the Balkan provinces of the Roman Empire. A. P. Martemyanov is the author of more than 90 scientific, popular scientific and educational works published in respected publications of Ukraine, Russia, Bulgaria, Poland. His brilliant lectures on the courses “History of Ancient Greece and Rome”, “The cultural heritage of antiquity in the history of subsequent historical eras”, “Culture of the Ancient World” and many others will forever remain in the hearts and memories of his many students. The community of teachers and students of Kharkiv National University, the scientific community of Ukraine suffered a serious and difficult to replace loss.

Key words: A. P. Martemyanov, V. N. Karazin Kharkiv National University, school of history.

УДК(UDC) 930-051:929Чередниченко
DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-07

Андрей Геннадьевич Чередниченко (1972–2019)

Сергей Литовченко

В память о Чередниченко Андрее Геннадьевиче. 15 января 2019 года в доме своих родителей в Коктебеле на 46 году жизни скоропостижно скончался Андрей Геннадьевич Чередниченко, кандидат философских наук, историк, лингвист, учитель и преподаватель.

15 января 2019 года в доме своих родителей в Коктебеле на 46 году жизни скоропостижно скончался Андрей Геннадьевич Чередниченко, кандидат философских наук, историк, лингвист, учитель и преподаватель. В это страшное событие до сих пор не хочется верить, но безжалостная реальность неумолима...

Не хотелось бы представлять Андрея Геннадьевича исключительно хрестоматийным отличником и не менее хрестоматийным кабинетным ученым, каким он, вероятно, мог казаться окружающим. Конечно, он был и отличником, и блестящим исследователем, но это была лишь одна сторона его многогранной натуры. Хотя не упомянуть об этом, конечно, нельзя.

Андрей Чередниченко поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета имени М. Горького в 1989 году, сразу после окончания с золотой медалью

Ключевые слова: А. Г. Чередниченко, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет.

Об авторе: Литовченко Сергей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина; e-mail: litovchenkosd@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7602-9534>

Про автора: Литовченко Сергій Дмитрович, кандидат історичних наук, доцент; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, доцент кафедри стародавнього світу та середніх віків; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, пл. Свободи, 4, Харків, 61022, Україна. e-mail: litovchenkosd@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7602-9534>

About the author: Litovchenko Sergey; PhD (History), Associate Professor; V. N. Karazin National University, School of History, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History; V. N. Karazin National University, School of History, Ukraine, Kharkiv, Sq. Svobody 4, 61022 e-mail: litovchenkosd@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7602-9534>

© С. Д. Литовченко, 2019

средней школы. С первого и до последнего курса Андрей был среди лучших студентов истфака в официальном рейтинге и, безусловно, лучшим в неофициальном, в котором не учитывалась общественная работа.

Надо признать, что ему всегда претил как комсомольский активизм, с которого началась учеба в университете в конце 80-х, так и более агрессивный и бессовестный активизм антикомсомольский, которым учеба в университете заканчивалась в начале 90-х. Это ни в коем случае не означает, что Андрей не разбирался в ситуации в обществе или ему было безразлично, каким именно образом занимается самоистреблением окружающий его мир. Острый ум и внутренняя порядочность вынуждали его сторониться каких угодно массовых популярных движений, отличавшихся во все века друг от друга лишь умением или неумением ходить в ногу и строем.

Единственным студентом истфака Андрей прошел многомесячную стажировку в Ирландии. Успехи в учебе и блестящая защита диплома под руководством профессора Владимира Ивановича Каеева открывали перед Андреем заманчивые перспективы аспирантуры и преподавания. Но, к сожалению, непреодолимым препятствием оказались интриги однокурсников, с которыми он не мог и не желал бороться. Соискательство вместо аспирантуры в середине 90-х для большинства означало приговор дальнейшей научной деятельности. Но невероятная работоспособность Андрея, вошедшая в истфаковские мифы ещё во времена его студенчества, сохранялась и после окончания учебы. Несмотря на совершенно нечеловеческий режим работы, Андрей успевал писать и научные статьи, и доклады на конференциях, и учебные пособия, и, хотя в это невозможно поверить, оформлять всю документацию, которую нынешняя реальность в изуверском экстазе требует от преподавателя. Кроме того, Андрей Геннадиевич смог не только работать в полную силу (а по другому он и не умел), но и писать диссертацию. Заняло это долгие десять лет, да и защищаться пришлось не в родном университете, и даже не по исторической специальности, а по философии. Но тема была та же, которой Андрей Геннадиевич посвятил всю свою жизнь – проблема происхождения и развития индоевропейских народов («Индоевропейские мифотрадиции: На материалах сакральных генеалогий»). После получения кандидатской степени А. Чередниченко не остановился, как многие, на достигнутом, но продолжил научные исследования, свои результаты он часто публиковал в ежегоднике «Древности», который издается на историческом факультете. О качестве его статей могут свидетельствовать не только отзывы коллег, но и рекомендации в научных социальных сетях.

В 2013 году Андрей Геннадиевич ушел в докторантуру, но не столько для окончания своей работы, сколько для того, чтобы помочь своим пожилым родителям. Несмотря на постоянную загруженность работой, он практически смог закончить докторскую диссертацию к началу 2019 года...

Но древняя история и история языка были не единственной составляющей жизни Андрея Геннадиевича. Андрей очень любил книги. Любил той необычной любовью, которую редко встретишь даже среди образованной части общества. Это был не холодный расчет библиофила, старательно собирающего серии, издания или авторов, это была и не страсть заполнителя полок, шкафов, стеллажей. Андрею просто нравилось держать в руках бумажный том. И поэтому он был готов отдать последние деньги за букинистическое или новое издание, чем его друзья беззастенчиво пользовались.

Андрей Геннадьевич был замечательным учителем и преподавателем. Ему одинаково легко давалось общение и со школьниками, и со студентами, и с курсантами. Он с равным успехом преподавал и исторические дисциплины, и иностранные языки. Это был редкий тип учителя, которому нравилось работать с детьми. Подтверждением этому были десятки выпускников, которые примчались на похороны со всех уголков планеты. Андрей Геннадьевич был невероятно заботливым сыном, который осознанно пренебрег научной карьерой, когда возникла необходимость помочь своим близким.

Андрей очень любил небольшие компании, в которых можно было открыто обсудить самые разнообразные вопросы и проблемы. И за стандартной фразой «Он всегда был готов прийти на помощь своим друзьям» скрывается подлинная непоказная отзывчивость Андрея.

А многое и многих Андрей Геннадьевич не любил. Но это или эти не были достойны упоминания при его жизни и, тем более, не стоят упоминания после его смерти.

Светлая память.

Summary

S. Litovchenko. *Andrey Gennadievich Cherednichenko (1972–2019)*

In memory of Andrey Gennadievich Cherednichenko. January 15, 2019 in the house of his parents in Koktebel, at the age of 46, Andrey Gennadievich Cherednichenko, Ph.D., historian, linguist, teacher, suddenly died.

Key words: A. G. Cherednichenko, V. N. Karazin Kharkiv National University, school of history.

Резюме

С. Литовченко. *Андрій Геннадійович Чередниченко (1972–2019).*

На згадку про Чередниченко Андрія Геннадійовича. 15 січня 2019 року в будинку своїх батьків у Коктебелі на 46 році життя раптово помер Андрій Геннадійович Чередниченко, кандидат філософських наук, історик, лінгвіст, учитель і викладач.

Ключові слова: А. Г. Чередниченко, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет.

УДК(UDC) 902-051:929Циміданов
DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-08

Пам'яті Віталія Циміданова

Юрій Полідович

Меморіальна стаття присвячена пам'яті видатного археолога, дослідника культур доби пізньої бронзи Віталія Владиславовича Циміданова. Висвітлюються головні етапи життя та наукової творчості. Відзначається роль В. В. Циміданова у дослідженні пам'яток Донеччини та, зокрема, Середнього Подонців'я.

Ключові слова: Віталій Циміданов, доба бронзи, зрубна культура, культурно-історична спільнота, Донецька область.

В ніч з 20 на 21 лютого 2019 року пішов за виднокрай Віталій Владиславович Циміданов, видатний український дослідник доби пізньої бронзи, невтомний археологопольовик, людина з активною громадянською позицією. Віталій народився 9 лютого 1960 р. у м. Макіївка на Донеччині, де й пройшли його дитячі та юнацькі роки. У 1975 р. він, ще школярем, вперше потрапив до археологічної експедиції. Це була експедиція Ростовського університету, що працювала на багатозаровому поселенні біля м. Константиновськ Ростовської області (Віталій потрапив до неї завдяки ростовським родичам, до яких їздив на літніх канікулах). Керував експедицією Володимир Якович Кияшко, який став для Віталія справжнім учителем.

1977 року Віталій закінчив із золотою медаллю спеціалізовану фізико-математичну школу, але вступив на історичний факультет Донецького державного університету,

Об авторе: **Полідович Юрій Богданович**; кандидат исторических наук; Музей исторических драгоценностей Украины – филиал Национального музея истории Украины, ведущий научный сотрудник; ул. Лаврская, 9, Киев, Украина, 010151.

e-mail: yurkor@ukr.net; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0113-6746>

Про автора: **Полідович Юрій Богданович**; кандидат історичних наук; Музей історичних коштовностей України – філіал Національного музею історії України, провідний науковий співробітник, вул. Лаврська, 9, Київ, Україна, 010151.

e-mail: yurkor@ukr.net; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0113-6746>

About the author: **Polidovych Yurii**; PhD (History), Archaeology, Ancient Art, History of the Ancient World; National Historical Museum of Ukraine, branch Museum of Historical Treasures of Ukraine, Senior Researcher; National Historical Museum of Ukraine, branch Museum of Historical Treasures of Ukraine, Lavrska st. 9, Kyiv, Ukraine, 010151.

e-mail: yurkor@ukr.net; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0113-6746>

© Ю. Б. Полідович, 2019

оскільки вже був абсолютно впевненим у своєму життєвому виборі. Упродовж навчання він щороку працював у археологічних експедиціях. Перша з них була обумовлена археологічною практикою, яку проводила Алла Олексіївна Моруженко, декан історичного факультету, відомий дослідник скіфських пам'яток Подніпровського лісостепу. Розкопки проходили на поселенні поблизу с. Лихачівка Полтавської області. Потім Віталій ще одного разу виїздив разом з Аллою Олексіївною, але його справжній інтерес та захоплення викликали експедиції новобудовної археологічної експедиції університету, що досліджували кургани в зонах будівництва меліоративних систем у Донецькому Приазов'ї. Саме там майбутній науковець мав змогу доторкнутися до світу «зрубників», з яким він познайомився ще в ростовській експедиції. А вже дослідженню зрубної культури доби пізньої бронзи він і присвятив своє життя.

В роки, коли вчився Віталій, на донецькому істфаку склалася дуже сприятлива ситуація: декілька років поспіль студентами ставали молоді люди, які йшли вчитися саме на археологів. Всіх об'єднували новобудовна експедиція, археологічні розвідки у Подонців'ї на травневі та жовтневі свята, наукові семінари, дружнє спілкування.

У 1979 р. Донецький університет організував знакову археологічну конференцію, присвячену дослідженню доби бронзи. З'їхалися відомі метри та молоді науковці з усього Союзу. Почути їх виступи, дискусії, що точилися під час засідань та в кулуарах, було надзвичайною вдачею для студентів. А вперше взяти участь у науковій конференції випала нагода вже навесні 1982 р., коли Віталій разом зі своїми колегами Анатолієм Усачуком та Володимиром Горбовим вирушили до Куйбишева (нині Самара) із доповіддю про «зрубний» горщик з піктографічними зображеннями з ґрунтового могильника, дослідженого ними попередньої осені у смт Олексієво-Дружківка.

В. В. Циміданов та І. Б. Шрамко. Донецьк, 1979 рік

Університетське навчання завершилося 1982 року. Це був перший поворотний рік для Віталія. Влітку він одружився і переїхав жити до Мар'їнки, а вже із жовтня знаходився на військовій службі у Радянській армії. До цивільного життя Віталій повернувся за півтора роки у травні 1984 року.

Подальша робота була пов'язана зі школярами: у 1985–1991 рр. Віталій працював керівником археологічного гуртка Будинку піонерів Петровського району м. Донецьк. Упродовж шести років він разом із гуртківцями проводив археологічні розвідки та розкопки на теренах Мар'їнського, Краснолиманського та Слов'янського районів. З розвідками вони пройшли, мабуть, сотні кілометрів, завдяки чому було відкрито кілька десятків поселень зрубної культури в центрі українського степу та з'ясовано особливості їх топографії. Розкопки проводилися переважно на поселенні Новоселівка-II, розташованому на піщаному мисі в заплаві правого берега р. Жеребець у Краснолиманському районі. У ті ж роки Віталій бере активну участь у археологічних конференціях, які щорічно проводилися у Донецьку. Саме у збірниках тез цих конференцій з'явилася його перша опублікована робота (Циміданов 1985) і перша робота, присвячена соціальній структурі зрубного суспільства (Циміданов 1986), яка надалі стане головним об'єктом його досліджень.

Яків Гершкович та Віталій Циміданов на розкопках поселення Глибоке озеро-2.
Літо, 1991 рік

1991 року Віталій перейшов на роботу до Донецького обласного краєзнавчого музею, де працював у новобудовній археологічній експедиції. Приводом стали масштабні розкопки поселення доби пізньої – фінальної бронзи «Глибоке озеро-2», які проводилися сумісно з науково-виробничим кооперативом «Археолог» (м. Київ), від якого керував роботами Яків Гершкович. Надалі експедиція ДОКМ провела розкопки бондарихинського поселення Глибоке-I, загадкової пам'ятки зрубної культури Караванна-I на окраїні Донецька, двошарового поселення Ляпіна Балка у Маріуполі, курганів поблизу смт Новоамросіївське, церкви Св. Антонія і Феодосія у Святогірському монастирі, а також розвідки в Красноармійському (нині Покровському), Великоновосілківському та Добропільському районах. Завдяки Віталію було досліджено поруйновані кургани біля с. Русин Яр у Костянтинівському районі та Проклята Могила на Слов'янщині. У 1990-х роках

Віталій брав активну участь у регіональних конференціях, де піднімалася проблематика археології пізньої бронзи, у Дніпропетровську (нині Дніпро), Донецьку, Запоріжжі, Луганську, Мелітополі, Одесі, Тирасполі, Харкові, Херсоні.

1997-й став для Віталія черговим поворотним роком. Того року він переїхав із сім'єю до рідної Макіївки, захистив дисертацію на тему «Соціальний розвиток населення зрубної культурно-історичної спільноти за матеріалами Східної України», отримав науковий ступінь кандидата історичних наук і перейшов на основну роботу до Краматорського економіко-гуманітарного інституту, де працював на посадах старшого викладача, а згодом – доцента кафедри історії та культурології. В інституті Віталій пропрацював понад 10 років, та за цей час він не поривав зв'язків з ДОКМ, де продовжував працювати за сумісництвом. У ці роки Віталій – учасник численних розвідок у різних куточках Донецької області (найбільш масштабні було проведено у 1998 р.), розкопок комплексної пам'ятки Козача Пристань та середньовічного Маяцького

городища на Слов'янщині, курганів на території Донецького аеропорту, на окраїні Маріуполя (група «Зінцева Балка»), біля смт Райське (курган Розкопана Могила) та с. Іжівка Костянтинівського району, залишків Старо-Петровського чавуноливарного заводу XIX ст. поблизу м. Єнакієве, проведення масштабного нанесення археологічних пам'яток на схеми землекористування всіх господарств області.

Ці роки для Віталія були насиченими й науковою роботою. На основі переробленої та доповненої дисертації було видано монографію (Цимиданов 2004), з'явилося кілька важливих статей з аналізу певних категорій інвентарю та особливостей поховального ритуалу зрубної спільноти (Цимиданов 1998; 1999; 2000; 2001а; Житніков, Цимиданов 1999; ін.). Цікава дискусійна праця була присвячена філософському осмисленню історії доби пізньої бронзи (Цимиданов 2006а). Ще одним напрямком досліджень були пам'ятки ямної культурно-історичної спільноти, чому сприяла співпраця з одеською дослідницею С. В. Івановою (Іванова, Цимиданов 1998; Цимиданов 2001-2002; ін.). Кілька разів дослідник повертався до теми скіфських генеалогічних легенд, які, на його думку, пов'язані з подіями соціального конфлікту у ранньозрубному суспільстві на теренах Середнього та Нижнього Поволжя (Цимиданов 1992; 2005; Цимиданов 1995). Важливим було порівняння епічного осетинського епосу Нарти та степових суспільств доби бронзи (Цимиданов 2001b; 2007а). Захоплювали Віталія й регіональні дослідження української етнографії (Цимиданов 2006b; 2007b; 2010; ін.).

На початку 2009 р. Віталій повернувся на постійну роботу до ДОКМ. Перед відділом охорони пам'яток археології на той час постали нові задачі, успішному вирішенню яких сприяв і Віталій. Проводилися активні поїздки з фермерами та фахівцями районних відділів історії та культури з метою встановлення технічного стану та меж археологічних пам'яток, проводилися численні виїзди на археологічну експертизу земельних ділянок, що відводилися під будівництво. У 2011 і 2012 рр. було здійснено археологічні розкопки курганних груп Попов Яр-2 і Марієнфельд, активним учасником і керівником яких був Віталій. Чимало часу займала камеральна обробка археологічних матеріалів, підготовка охоронно-облікової документації та об'ємних звітів. І певно, що «з-під пера» щороку виходило по кілька наукових статей. У 2009 р. склався творчий тріумфірат, який колеги між собою назвали «ПУЦ» за прізвищами авторів: В'ячеслав Підобід, Анатолій Усачук та Віталій Цимиданов. Перша спільна робота була присвячена нолям з кільцевим упором доби пізньої бронзи (Подобед, Усачук, Цимиданов 2009). За десять років ПУЦ підготував понад п'ятдесят статей, в яких проаналізовано різні категорії культури доби пізньої бронзи – раннього заліза. З-поміж них виділяються дві дискусійні статті, присвячені важливим питанням дослідження зрубної культурно-історичної спільноти: в одній з них наводиться контраргументація концепції В. В. Отроценка щодо поділу спільноти на дві культури (бережнівсько-маївську та покровську), у другій розподіляються фінально-зрубний пласт пам'яток і коло пам'яток отрадненської культури, виділеної ростовським дослідником В. В. Потаповим (Подобед, Усачук, Цимиданов 2012; 2013а).

Одним з напрямків роботи відділу, який ініціював саме Віталій, було узагальнення інформації про археологічні дослідження на теренах Донеччини з кінця XVIII ст. до наших днів. Цей задум було реалізовано тільки щодо розкопаних курганів (Усачук, Полідович, Цимиданов, Литвиненко 2004). Надалі йшла активна підготовка до видання кількох випусків «Археологічного альманаху», присвячених поселенням доби бронзи. Вони мали включити звід поселень та публікацію матеріалів деяких розкопаних пам'яток, зокрема Новоселівки-II, Козачої Пристані та Ляпинської Балки. Були плани підготувати аналогічний звід пам'яток бондарихинської культури Середнього Подонців'я, значна частина яких була відкрита саме Віталієм.

Проте ці та багато інших життєвих та робочих планів перервала війна. Вона забрала у Віталія майже все, що було дорогим, – кохану дружину, батька, улюблену роботу, рідне місто...

Віталій Циміданов у робочому кабінеті в Донецькому обласному краєзнавчому музеї.
2011 рік

Віталій Циміданов, В'ячеслав Підобід та Анатолій Усачук на розкопках курганів
групи «Марієнфельд» у Слов'янському районі. 2012 рік

Та Віталій не здався, не зламався. 10 лютого 2016 року він переїхав на територію, підконтрольну українській владі. Згодом влаштувався до Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Краматорськ). Довкола нього завирувало життя. Він організував проведення археологічних розвідок та невеликих рятівних розкопок, брав участь у розкопках курганів на території Краматорської міськради та Добропільського району, проводив археологічну експертизу земельних відводів, готував обліково-охоронну документацію, ініціював підготовку та видання першого числа наукового збірника музею. Віталію навіть вдалося частково реалізувати ідею зводу поселень доби бронзи – за участю колег він зібрав та опублікував всі наявні дані за поселеннями Середнього Подонців'я (Циміданов, Коваль, Литвиненко, Гриб 2017).

Останній проект, який вдалося реалізувати Віталію, – каталог-довідник «Героям слава! Пам'ятки російсько-української війни на Донеччині» (Циміданов, Циба 2019), ідея якого народилася під час численних поїздок по області. 20 лютого 2019 року музей провів гучну прес-конференцію з презентацією унікального видання, під час якої Віталій багато розповідав про себе та свої переживання останніх подій на Донбасі (це було дивно, адже раніше Віталій був дуже потайливим і не визнавав публічних заходів). А за день серце Віталія зупинилося...

Так, за життя Віталій був дуже потайливим. Колеги знали про нього переважно з його наукових робіт. В них він буде жити і в майбутньому!

REFERENCE

- Ivanova S. V., Tsimidanov V. V. 1998: Pogrebeniya s toporami v yamnoy kul'ture Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu [Scientific works of the school of history of Zaporizhia State University]. IV, 141–162. (In Russian).
- Иванова С. В., Цимиданов В. В. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья. Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. IV, 141–162.
- Podobed V. A., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V. 2009: Nozhi epokhi pozdney bronzy s kol'tsevym uporom iz Tsentral'noy Azii i Sibiri i ikh zapadnyye analogii. Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]. 1–2 (13–14), 3–16. (In Russian).
- Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии. Древности Сибири и Центральной Азии. 1–2 (13–14), 3–16.
- Podobed V. A., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V. 2012: Nekotoryye diskussionnyye problemy arkheologii yuga Vostochnoy Yevropy finala bronzovogo veka. Donets'kiy arkheologichniy zbirnik [Donetsk archaeological collection]. 16, 194–245. (In Russian).
- Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века. Донецкий археологичний збірник. 16, 194–245.
- Podobed V. A., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V. 2013: Srubnaya obshchnost': dve arkheologicheskiye kul'tury ili vnutrikul'turnaya nepreryvnost'? Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological Almanac]. 30, 196–256. (In Russian).
- Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Срубная общность: две археологические культуры или внутрикультурная непрерывность? Археологический альманах. 30, 196–256.
- Usachuk A. N., Polidovich YU. B., Tsimidanov V. V., Litvinenko R. A. 2004: Svod dannykh ob issledovaniyakh kurganov na territorii Donetskoy oblasti v XX veke. Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological Almanac]. 14, 56–109. (In Russian).

- Усачук А. Н., Полидович Ю. Б., Цимиданов В. В., Литвиненко Р. А. Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX веке. Археологический альманах 14, 56–109.
- Tsimidanov V. V. 1985: Srubniki na Balkanakh. V: Shvetsov M. L. (otv. red.). Arkheologiya i kraevedeniye – shkole. Donetsk, 24–25. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Срубники на Балканах. В: Швецов М. Л. (отв. ред.). Археология и краеведение – школе. Донецк, 24–25.
- Tsimidanov V. V. 1986: O sotsial'nom chlenenii sрубnykh pogrebeniy Donbassa i Severo-Vostochnogo Priazov'ya. V: Kolesnik A. V. (otv. red.). Problemy okhrany i issledovaniya pamyatnikov arkheologii v Donbasse. Donetsk, 28–30. (In Russian).
- Цимиданов В. В. О социальном членении срубных погребений Донбасса и Северо-Восточного Приазовья. В: Колесник А. В. (отв. ред.). Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 28–30.
- Tsimidanov V. V. 1992: Chas viniknennya legendi pro pokhodzhennya skifiv (persha versiya Gerodota). Arkheologiya [Archaeology]. 31, 31–38. (In Ukrainian).
- Цимиданов В. В. Час виникнення легенди про походження скіфів (перша версія Геродота). Археологія. 1, 31–38.
- Tsimidanov V. V. 1995: Stsena iz legendy o trekh brat'yakh na «navershii» iz Perederiyevoy Mogily. Letopis' Donbassa [Chronicle of Donbass]. 3, 3–5. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Сцена из легенды о трех братьях на «навершии» из Передериевой Могилы. Летопись Донбасса. 3, 3–5.
- Tsimidanov V. V. 1998: Parni pokhovannya zрубnoi kul'turno-istorichnoi spil'noti. Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological Almanac]. 7, 51–60. (In Ukrainian).
- Цимиданов В. В. Парні поховання зрубної культурно-історичної спільноти. Археологический альманах 7, 51–60.
- Tsimidanov V. V. 1999: Vereteno v obryadakh naseleniya sрубnoy kul'tury. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum]. 109: Tekstil' epokhi bronzy Yevraziyskikh stepey, 224–227. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Веретено в обрядах населения срубной культуры. Труды Государственного исторического музея. 109: Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей, 224–227.
- Tsimidanov V. V. 2000: Zagadki sрубnykh chash. Donskaya arkheologiya [Don archeology]. 3–4, 142–148. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Загадки срубных чаш. Донская археология. 3–4, 142–148.
- Tsimidanov V. V. 2001a: Astragaly v pogrebeniyakh stepnykh kul'tur Vostochnoy Yevropy epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza. Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological Almanac]. 10, 215–248. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Астргалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа. Археологический альманах. 10, 215–248.
- Tsimidanov V. V. 2001b: Epicheskiy sotsium nartov i stepnyye obshchestva epokhi bronzy. V: Dobrov P. F. (red.). Problemy arkheologii i arkhitektury [Problems of archeology and architecture]. Donetsk–Makeyevka. T. 1, 55–64. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Эпический социум нартов и степные общества эпохи бронзы. В: Добров П. Ф. (ред.). Проблемы археологии и архитектуры. Донецк–Макеевка. Т. 1, 55–64.
- Tsimidanov V. V. 2001–2002: Pogrebeniya so stelami v yamnoy kul'ture Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. Stratum plus. 2, 370–385. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья. Stratum plus. 2, 370–385.
- Tsimidanov V. V. 2004: Sotsial'naya struktura sрубного obshchestva. Donetsk. (In Russian).

- Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества. Донецк.
 Tsimidanov V. V. 2005: Legendi pro pokhodzhennya skifiv ta ukrains'ki kazki. Drevnosti [Antiquities]. 2005, 116–129. (In Ukrainian).
- Цимиданов В. В. Легенди про походження скіфів та українські казки. Древности. 2005, 116–129.
- Tsimidanov V. V. 2006a: Srubnaya obshchnost' v svete tsiklicheskikh teoriiy razvitiya. Donets'kiy arkheologichniy zbrnik [Donetsk archaeological collection]. 12, 70–102. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Срубная общность в свете циклических теорий развития. Донецкий археологичний збірник. 12, 70–102.
- Tsimidanov V. V. 2006b: Osobennosti oblastnoy etnografii. Litopis Donbasu [Chronicle of Donbass]. 14, 94–101. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Особенности областной этнографии. Літопис Донбасу. 14, 94–101.
- Tsimidanov V. V. 2007a: Odin iz napryamkiv suchasnikh etnografichnikh doslidzhen' ukrains'koi kul'turi. Problemi osviti [Problems of education]. 52, 207–213. (In Ukrainian).
- Цимиданов В. В. Один із напрямків сучасних етнографічних досліджень української культури. Проблеми освіти. 52, 207–213.
- Tsimidanov V. V. 2007b: Nartovskiy epos osetin i srubnaya kul'tura: poisk skhozheniy. Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy [News of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research]. 1 (40), 17–36. (In Russian).
- Цимиданов В. В. Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск схождения. Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 1 (40), 17–36.
- Tsimidanov V. V. 2010: Dzherelo z yetnografni ukrainsiv Donechchini. Litopis Donbasu [Chronicle of Donbass]. 18, 122–135. (In Ukrainian).
- Цимиданов В. В. Джерело з етнографії українців Донеччини. Літопис Донбасу. 18, 122–135.
- Tsimidanov V. V., Zhitnikov V. G. 1999: Pokhovannya zrubnoi spil'noti z bulavami. Arkheologiya [Archaeology]. 31, 131–142. (In Ukrainian).
- Цимиданов В. В., Житніков В. Г. Поховання зрубної спільноти з булавами. Археологія. 1, 131–142.
- Tsimidanov V. V., Koval YU. G., Litvinenko R. O., Grib V. K. 2017: Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Podontsiv'ya (Donets'ka oblast') dobi kamenyu, bronzi ta seredn'ovnichchya: stoyanki, maysterni, poselennya. Donechchina: priroda, lyudi, kul'tura 1, 1–179. (In Ukrainian).
- Цимиданов В. В., Коваль Ю. Г., Литвиненко Р. О., Гриб В. К. Археологічні пам'ятки Середнього Подонців'я (Донецька область) доби каменю, бронзи та середньовіччя: стоянки, майстерні, поселення. Донеччина: природа, люди, культура 1, 1–179.
- Tsimidanov V. V., Tsiba O. P. 2019: Geroyam slava! Pam'yatki rosnys'ko-ukrains'koi viyni na Donechchini. Kramators'k. (In Ukrainian).
- Цимиданов В. В., Циба О. П. Героям слава! Пам'ятки російсько-української війни на Донеччині. Краматорськ.

Резюме

Полідович Ю. Б. *Памяти Виталия Цимиданова*

Меморіальна стаття посвящена пам'яті видаючогося археолога, досліджувача культур епохи пізньої бронзи Виталия Владиславовича Цимиданова. Освітлюються основні етапи життя і наукового творчості. Відзначається роль В. В. Цимиданова в

исследовании памятников Донетчины и, в частности, Среднего Подонцовья.

Ключевые слова: Виталий Цимиданов, эпоха бронзы, срубная культура, культурно-историческая общность, Донецкая область.

Summary

Polidovych Yu. B. *In memory of Vitaly Tsymidanov*

The memorial article is dedicated to the memory of the outstanding archaeologist, researcher of cultures of the Late Bronze Age Vitaly Vladislavovich Tsymidanov. The main stages of life and scientific creativity are highlighted. The role of V.V. Tsymidanova in the study of monuments of the Donetsk.

Key words: Vitaly Tsymidanov, Bronze Age, Timber-Grave culture, cultural and historical community, Donetsk region.

Список сокращень

MGH SS rer. Germ. scholarum	— Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum
АМА	— Античный мир и археология
ВДУ	— Воронежский державний університет
НДУ «БелДУ»	— Навчально-дослідний університет «Белгородський державний університет»
НУЦЗУ	— Національний університет цивільного захисту України
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
УМКС	— Університет Марії Кюрі-Складовської
ХДАФК	— Харківська державна академія фізичної культури
ХІМ	— Харківський історичний музей
ХНПУ	— Харківський національний педагогічний університет

ЗМІСТ

С Т А Т Т І

- Литовченко С. Д.** (*Харків*). Syriam esse nostram... (Cic. Flac. 30). Чому Помпей перетворив державу Селевкідів на провінцію? 8
- Роменський О. О.** (*Харків*). Перечитуючи Тітмара Мерзбургського: iumbare verperum та інші вади князя Володимира..... 20
- Каріков С. А.** (*Харків*). Лютеранство та реформатство в суспільно-політичному житті Саксонії другої половини XVI століття: від конкуренції до конфлікту.. 26

П У Б Л І К А Ц І Ї

- Аксьонов В. С.** (*Харків*). Пронизки рідкісних видів із поховань ранньосередньовічних алан Харківщини.....34

Н А У К О В А Х Р О Н І К А

- Домановський А. М., Д'ячков С. В.** (*Харків*), **Котенко В. В.** (*Полтава*),
Походнякова А. С. (*Харків*). «LAUREA III. Античний світ та Середні віки». Наукові читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадеєва..... 45

М Е М О Р І А

- Д'ячков С. В.** (*Харків*). Пам'яті товариша. Олексій Павлович Мартем'янов (1956–2019)..... 54
- Литовченко С. Д.** (*Харків*). Андрій Геннадійович Чередниченко (1972–2019)..... 60
- Полідович Ю. Б.** (*Київ*). Пам'яті Віталія Циміданова 63
- Список скорочень 72

СОДЕРЖАНИЕ

С Т А Т Ь И

- Литовченко С. Д.** (*Харьков*). *Syriam esse nostram...* (Cic. Flac. 30). Почему Помпей превратил государство Селевкидов в римскую провинцию?..... 8
- Роменский А. А.** (*Харьков*). Перечитывая Титмара Мерзебургского: *lumbare venepgeum* и другие пороки князя Владимира..... 20
- Кариков С. А.** (*Харьков*). Лютеранство и реформатство в общественно-политической жизни Саксонии второй половины XVI века: от конкуренции к конфликту..... 26

П У Б Л И К А Ц И И

- Аксёнов В. С.** (*Харьков*). Пронизки редких видов из захоронений раннесредневековых алан Харьковщины.....34

Н А У Ч Н А Я Х Р О Н И К А

- Домановский А. Н., Дьячков С. В.** (*Харьков*), **Котенко В. В.** (*Полтава*), **Походнякова А. С.** (*Харьков*).
«LAUREA III. Древний мир и Средние века». Научные чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. 45

М Е М О Р І А

- Дьячков С. В.** (*Харьков*). Памяти товарища. Алексей Павлович Мартемьянов (1956–2019)..... 55
- Литовченко С. Д.** (*Харьков*). Андрей Геннадьевич Чередниченко (1972–2019)..... 60
- Полидович Ю. Б.** (*Киев*). Памяти Виталия Цимиdanова 63
- Список сокращений..... 72

CONTENTS

ARTICLES

- Litovchenko S.** (*Kharkiv*). Syriam esse nostram... (Cic. Flac. 30). Why did Pompey turn the Seleucid state into a Roman province? 8
- Romensky A.** (*Kharkiv*). Re-reading Thietmar of Merseburg: lumbare venereum and other sins of prince Vladimir..... 20
- Karikov S.** (*Kharkiv*). Lutheranism and reformism in the socio-political life of Saxony in the second half of the 16th century: from the competition to the conflict..... 26

PUBLICATIONS

- Aksyonov V.** (*Kharkiv*). Threadings of rare species from the burials of the early medieval Alans of Kharkov Region.....34

SCIENTIFIC CHRONICLE

- Domanovskiy A., Dyachkov S.** (*Kharkiv*), **Kotenko V.** (*Poltava*), **Pokhodniakova A.** (*Kharkiv*). «LAUREA III. The Ancient World and the Middle Ages». Scientific readings in memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev..... 45

MEMORIA

- Dyachkov S.** (*Kharkiv*). In memory of a friend. Alexey Pavlovich Martemyanov (1956–2019)55
- Litovchenko S.** (*Kharkiv*). Andrey Gennadievich Cherednichenko (1972–2019) 60
- Polidovych Yu.** (*Kyiv*). In memory of Vitaly Tsymidanov 63
- List of Abbreviations..... 72

Наукове видання

ДАВНИНА 2019

**Харківський історико-археологічний
щорічник**

Випуск 17

Українською, російською, англійською мовами

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*
Комп'ютерне верстання *Х. Ю. Піонтковська*
Коректори *О. В. Анцирова, А. І. Самсонова*

Підписано до друку 23.12.2019
Формат 70x100/16. Папір офсетний. Друк цифровий. Гарнітура MyslC.
Обл.-вид. арк. 8,1. Наклад пр. Ціна договірна.

Видавець і виготовлювач: Україна, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
м. Харків, 61022, майдан Свободи, 4.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.2009 р.